

№№ 56—65.

Серія „Исторія и теорія литературы“ № 4.

7957 (90) *ч. 1. 1907*
(С. А. Венгеровъ.) *1907*

ОЧЕРКИ

Очерки по истории

ПО ИСТОРИИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

RUSSKII

Литература
2-е издание, безъ перемѣнъ.

2. 1907

Цена 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъячская. 39.

1907.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе ко II-му изданію	V
Предисловіе къ I-му изданію	VII
Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.	1— 21
Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы .	23—163
Писатель-гражданинъ (Н. В. Гоголь)	165—244
Великое сердце (Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій).	245—378
Передовой боецъ славянофильства (Константинъ Акса- ковъ)	379—492

Писатель-гражданинъ.

(Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Изданіе А. Ф. Маркса.
4 тома. Спб. 1901).

Наступаетъ пятидесятилѣтіе заключительнаго момента одной изъ самыхъ страшныхъ драмъ, какія только знаетъ исторія человѣческихъ страданій. Драмъ, тѣмъ особенно страшной, что вся она произошла безъ всякаго внѣшняго повода. Нѣтъ въ ней тѣхъ ударовъ судьбы, которые мы привыкли видѣть, какъ въ драмахъ, созданныхъ воображеніемъ писателей, какъ и созданныхъ самою жизнью и въ необычайности которыхъ сознаніе страдающаго подъ ихъ тяжестью находитъ своего рода утѣшеніе. Въ трагическомъ завершеніи жизни Гоголя весь узелъ драмы былъ въ собственной психологіи страдавшаго, въ томъ, что всю жизнь онъ тосковалъ, всю жизнь метался въ тревожныхъ поискахъ. Мучительно искалъ онъ сначала пути, на которомъ могъ бы выразить всю полноту того, что скопилось у него на душѣ, а затѣмъ съ тою же мукою усомнился, правиленъ ли найденный путь, несмотря на весь блескъ и утѣхи славы, къ которымъ онъ его привелъ.

Есть цѣлый рядъ объясненій гоголевской тоски. Главнѣйшія изъ нихъ сводятъ ее либо къ причинамъ паталого-психіатрическаго свойства, либо къ тому, что Гоголь палъ подъ тяжестью тѣхъ огромныхъ ожиданій, которыя на него возлагали послѣ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и оправдать которыя онъ не чувствовалъ себя въ состояніи.

Ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ сколько-нибудь серьезной критики, потому что они либо фактически невѣрны, либо скользятъ по поверхности. Особенно поражаетъ своею несостоятельностью весьма, однако, распространенное убѣжденіе, что Гоголь впалъ въ безысходную тоску отъ сознанія своего творческаго безсилія. Это убѣжденіе основывается на томъ, правда, весьма важномъ фактѣ,

что Гоголь собственноручно сжегъ вторую часть „Мертвыхъ душъ“. Но при этомъ никто, однако же, не обращаетъ вниманія на ничтожность промежутка, отдѣляющаго выходъ первой части „Мертвыхъ душъ“ отъ „Избранной переписки съ друзьями“, гдѣ съ такою торжественностью говорилось объ уничтоженіи продолженія великой „поэмы“. „Мертвыя души“ появились въ 1842 г., „Переписка“ въ 1846 г. уже вышла въ свѣтъ, но начата гораздо раньше: первыя письма, вошедшія въ нее, относятся къ 1843 г. Когда же, спрашивается, Гоголь могъ почувствовать такъ ясно свое безсиліе, чтобы впасть отъ сознанія его въ безнадежное отчаяніе? Всякое свое произведеніе Гоголь вынашивалъ долгими годами, безконечно ихъ передѣлывая и даже создавъ цѣлую теорію многолѣтняго „вылеживанія“ произведеній въ авторскомъ портфелѣ. У него въ раннихъ годахъ, въ періодъ полного расцвѣта творческихъ силъ, были годы, когда онъ почти ничего не писалъ. Таковъ, на примѣръ, весь 1833 годъ. Но онъ отъ этого, однако, не впадалъ въ отчаяніе и подчасъ добродушно самъ подсмѣивался надъ собою въ письмахъ къ близкимъ и только ругалъ свою „лѣнь“. А тутъ вдругъ черезъ два-три года, когда еще не остылъ пылъ первыхъ похвалъ, когда еще въ критикѣ ломались копья за и противъ великаго произведенія, Гоголь почему-то долженъ былъ такъ безнадежно-ясно узрѣть свою неспособность оправдать великія ожиданія, чтобы печатно поставить крестъ на всей своей писательской дѣятельности.

Несравненно больше правдоподобія въ попыткахъ медицинско-психіатрическаго объясненія гоголевской тоски. Очень можетъ быть, что оно фактически вѣрно, даже оставляя въ сторонѣ соблазнительную теорію сродства генія и ненормальности. Весьма вѣроятно, что въ индивидуальной психо-физической организаціи меланхоличнаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ Гоголя было определенное предрасположеніе къ его печальному концу, къ той страшной подавленности, при которой какой-нибудь изступленно-невѣжественный изувѣръ могъ стать полнымъ повелителемъ его исчезающаго сознанія.

Но допустимъ даже полную обоснованность гипотезы психіатрическаго происхожденія безпокойнаго метанія Гоголя и его болѣзненныхъ поисковъ „настоящаго“ пути. И все мы не получаемъ тутъ ключа къ пониманію того *разряда* нравственныхъ страданій, которыя съ такою мучительностью преслѣдовали Гоголя цѣлую половину жизни, чтобы не сказать всю. Вѣдь „незримыя міру слезы“ душили его грудь и въ эпоху полного расцвѣта его „видимаго смѣха“, когда еще и помина не было ни о явно-психіатрическихъ проявленіяхъ послѣднихъ лѣтъ, ни объ упадкѣ творческой силы. Почти одновременно съ Гоголемъ умеръ уже всецѣло принадлежащій психіатри-

Батюшковъ, человѣкъ тоже съ очень тонкой душевной организаціей и изящнымъ духомъ. Однако же, въ творествѣ Батюшкова, за сравнительно незначительными исключеніями, совершенно нѣтъ грустныхъ нотъ, и въ исторіи русской литературы онъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей вакхическихъ возгласовъ въ честь любви и наслажденія. Психіатрическое объясненіе, слѣдовательно, ровно ничего не объясняетъ. Оно только указываетъ почву, на которой создается душевная неуравновѣшенность, но нимало не опредѣляетъ ни ея формъ, ни ея проявленій. Даже при явномъ и формальномъ нарушеніи сознательной дѣятельности, не почва является опредѣлителемъ уклоненія отъ нормы, а тѣ сѣмена, которыя въ нее брошены окружающимъ міромъ. Вспомните Гаршинскій „Красный цвѣтокъ“, въ одно и то же время и глубоко-реальный и глубоко-символическій, въ одно и то же время и „выдумка“ и горькая автобіографическая правда. Красный цвѣтокъ, получившій въ больномъ мозгу героя разсказа такое необычайное значеніе, символизируетъ собою міросозерцаніе всего поколѣнія, къ которому этотъ герой принадлежалъ. Безуміе его заключалось только въ томъ, что онъ представлялъ себѣ такъ удобоисполнимой побѣду надъ зломъ. Но въ самомъ порывѣ, въ страстномъ стремленіи сорвать все зло міра безумный представитель поколѣнія семидесятыхъ годовъ ярко отразилъ собою завѣтныя думы всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Свойства гоголевской тоски также переносятъ ее изъ узкой и патологической сферы личнаго недуга, личной меланхолии въ широкую область общественныхъ настроеній. Великій представитель великаго народа, Гоголь выразилъ въ своей тоскѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи самосознанія этого народа. Будь его тоска его личнымъ недугомъ или свойствомъ, онъ бы ею никого не заразилъ, а если бы кого и заразилъ, то къ невыгодѣ. Но на самомъ дѣлѣ гоголевская тоска по общественномъ и нравственномъ совершенствѣ, подъ конецъ разошедшаяся съ лучшею частью общества въ путяхъ достиженія, но не въ силѣ и свойствахъ самого порыва, явилась творческимъ началомъ всей послѣдующей русской литературы. Велика и славна теперь во всемъ мірѣ русская литература и славна именно своею тоскою по идеалу, тѣмъ, что ей, по гоголевскому возгласу въ одной изъ самыхъ „веселыхъ“ его повѣстей, „скучно на этомъ свѣтѣ“, доколѣ въ немъ властно царить пошлость. Все это идетъ отъ Гоголя, и страннымъ недоразумѣніемъ является часто дебатруемый вопросъ: отъ кого пошла новѣйшая русская литература—отъ Пушкина или отъ Гоголя. Она пошла и отъ того и отъ другого. Въ лицѣ Пушкина подражательная до него русская литература обрѣла свой собственный духовный обликъ, стала по творческой способности наряду съ литературою

самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ. Пушкинъ далъ ей „этотъ чудный, мощный языкъ“, хранить который во всей его неприкосновенности завѣщаль своимъ преемникамъ цѣлыхъ полвѣка спустя умирающій Тургеневъ, далъ ей недосыгаемые до сихъ поръ образцы художественной гармоничности и законченности, наконецъ, вывелъ ее на путь здороваго реализма, идя по которому простота не рискуетъ впасть въ низменность и вульгарность. Въ лицѣ Пушкина литература въ Россіи перестала быть забавою и превратилась въ національное дѣло, въ которомъ сказалась вся мощь народнаго духа. Но Пушкинъ именно выразилъ только полноту силъ. Пушкинъ—это ясная улыбка пробудившагося сознанія своей мощи, радостное ощущеніе переливающейся по всѣмъ жиламъ молодой свѣжей жизни. Но такое довольство не могло долго длиться, какъ не длится долго радостное возбужденіе и въ реальной жизни вошедшаго въ полную силу человѣка. Не замедлили овладѣть лучшею частью молодого русскаго общества и тревога, и мятежное исканіе. Эти порожденія душевной неудовлетворенности были уже чужды Пушкину, какъ выразителю совсѣмъ иной стадіи развитія русскаго духа, какъ человѣку, удивительно-художественная цѣльность котораго была проявленіемъ натуры ясно-созерцательной, стремящейся къ стройности и гармоничности и органически враждебной всякимъ диссонансамъ. Въ этомъ смыслѣ новѣйшая русская литература, съ ея „святымъ недовольствомъ“, съ ея лихорадочною порывистостью, не могла пойти отъ Пушкина. Общій мажорный тонъ пушкинской поэзіи не подходилъ болѣе къ новому настроенію. „И слезъ хочу, пѣвецъ“, говорила эта новая душевная потребность и, какъ всякое сильное настроеніе, быстро нашла выраженіе въ наиболѣе одаренныхъ представителяхъ своего времени—въ горькомъ смѣхѣ Гоголя и мрачномъ озлобленіи Лермонтова.

Разъ сдвинутая сильнымъ импульсомъ съ той или другой позиціи, общественная мысль не можетъ не дойти до полнаго своего логическаго развитія, если въ основѣ его лежитъ дѣйствительно глубокое чувство. Въ частности по отношенію къ Гоголю, орудіе такой страшной силы, анализъ такой сокрушающей ѣдкости, какой былъ данъ ему въ удѣлъ отъ природы, не могъ не привести къ самымъ разительнымъ результатамъ, какъ только онъ былъ приложенъ къ крупнымъ явленіямъ жизни. Пусть самъ Гоголь испугался своихъ произведеній, пусть онъ по поводу „Ревизора“ увѣряетъ себя и другихъ, что напрасно „частное принимать за общее, случай за правило“ (Письма I, 371). Было поздно. Ударивъ якобы только по „шести чиновникамъ“, бичъ его сатиры въ дѣйствительности ударилъ по всему строю общественно-государственной организаціи. Прокатившись затѣмъ вмѣстѣ

съ Чичиковымъ по Россіи и откопавъ въ этой поѣздкѣ только коллекцію нравственныхъ уродовъ и въ лучшемъ случаѣ Тентетниковыхъ и Маниловыхъ, Гоголь далъ такую пищу общественному анализу, который уже ни къ чему другому не могъ привести, какъ къ сознанію полной несостоятельности такой безотрадной дѣйствительности. Вотъ почему тоска и отчаяніе Гоголя носили въ себѣ творческое начало, вотъ почему онъ навсегда останется дорогъ русской общественной мысли, какъ писатель-гражданинъ по преимуществу.

Задача настоящей статьи извлечь изъ новыхъ матеріаловъ о Гоголѣ, появившихся въ послѣднее время, новыя доказательства того, что духовное существо Гоголя было прямо переполнено гражданскими стремленіями и притомъ вовсе не такъ бессознательно, какъ обыкновенно принято думать.

I.

На первый взглядъ ни къ кому изъ русскихъ писателей не примѣнимо въ такой степени понятіе о бессознательности творчества, какъ къ Гоголю. Относительно большинства другихъ великихъ представителей русскаго слова можно установить прямую и непосредственную связь между ихъ теоретическими воззрѣніями и ихъ художественною дѣятельностью. Возьмемъ опять Пушкина, съ которымъ мы уже сопоставляли Гоголя. Какъ ни „ясенъ“ онъ въ своемъ взглядѣ на міръ и жизнь, но онъ никогда, однако, не оставался безучастнымъ къ тому, что вокругъ него происходило, былъ тѣмъ эхомъ, съ которымъ онъ сравнивалъ поэта. Лира его давала „откликъ“ на „всякій звукъ“, и, въ общемъ мудро-уравновѣшенная, все-таки посылала „отвѣтъ“ не только пѣснѣ „дѣвы за холмомъ“, но и „грохоту громовъ и гласу бури и валовъ“. Вотъ почему было время, когда движеніе, создавшее декабризмъ, находило въ немъ горячаго приверженца. Въ эти годы онъ не только пишетъ рядъ стихотвореній, которыя могли увидѣть свѣтъ лишь многіе десятки лѣтъ спустя, но и все его творчество носитъ необузданный характеръ и состоитъ изъ сочувственнаго изображенія разбойничьей психологій, изъ прославленія свободы первобытной жизни, изъ проклятій условности цивилизованной жизни и т. п. Но вотъ бурное кипѣніе молодости улеглось, декабризмъ пошелъ на смарку, Пушкинъ изъ вынужденнаго деревенскаго уединенія переходитъ въ высшія петербургскія сферы, и творчество его отливается въ совершенно иныя формы: пишется „Чернь“, „Клеветникамъ Россіи“, наступаетъ періодъ того „объективнаго“ творчества,

которое уже въ самомъ желаніи полного отрѣшенія отъ суеты жизни заключало въ себѣ вполнѣ опредѣленную программу.

И если связь теоретическихъ воззрѣній и художественной дѣятельности можно прослѣдить относительно такого представителя „чистой красоты“, какъ Пушкинъ, то что уже и говорить о писателяхъ, которые тѣмъ преимущественно и славны, что отражали всяческіе „моменты“ своего времени и были воплощеніемъ тревожныхъ поисковъ новыхъ идеаловъ. Выросши въ обществѣ Бѣлинскаго, на освободительныхъ началахъ 40-хъ гг., Тургеневъ далъ „Анibalовскую клятву“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и написалъ „Записки охотника“; Толстой—издатель „Ясной Поляны“ и авторъ „Казаковъ“, Толстой—авторъ нравственно-соціальныхъ трактатовъ и Толстой—художникъ послѣднихъ 20 лѣтъ—одно и то же лицо; Достоевскій—авторъ публицистическаго „Дневника писателя“ и Достоевскій—авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, тоже ни въ чемъ не расходятся. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Но Гоголь-теоретикъ и Гоголь-художникъ какъ-будто два совсѣмъ разныхъ лица, и то настроеніе, которое Гоголь-художникъ создавалъ, Гоголь-мыслитель съ тою же силою разрушалъ. Разрушалъ не только тѣмъ, что общій смыслъ его творчества шелъ въ одну сторону, а теоретическая проповѣдь въ совершенно противоположную, но разрушалъ прямо и непосредственно, посвятивъ всю послѣднюю полосу своей жизни борьбѣ съ собственными произведеніями „Переписка съ друзьями“, какъ объяснялъ авторъ въ предисловіи, для того издавалась, чтобы положить конецъ ложному толкованію его „необдуманныхъ и незрѣлыхъ“ сочиненій, которыя „почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла“.

При такомъ, едва ли не единственномъ во всей исторіи литературы, зрѣлищѣ борьбы автора съ собственными произведеніями сама собою рождалась мысль объ инстинктивномъ, почти безсознательномъ творествѣ. Уже Бѣлинскій, только-что вырвавши Гоголя изъ сердца своего какъ автора „Переписки“, но продолжая его все-таки безконечно любить какъ художника, въ этой безсознательности видитъ единственное объясненіе непримиримаго противорѣчія. Въ печати Бѣлинскій только собирался выяснитъ такое свое пониманіе гоголевскаго творчества и уже заранѣе мучительно страдалъ при мысли, что цензура помѣшаетъ и что „надо будетъ много говорить не такъ, какъ думаешь“. Но въ длинномъ письмѣ къ Кавелицу, которое, какъ всегда у него, больше статья, чѣмъ письмо, онъ категорически заявляетъ: „Что Гоголь дѣйствовалъ безсознательно—это очевидно“. Бѣлинскій даже находитъ тутъ извѣстный законъ: „Коршъ больше чѣмъ правъ, говоря, что всѣ гени такъ дѣйствуютъ. Я отъ этой

мысли года три назадъ съ ума сходилъ, а теперь она для меня аксіома безъ исключеній“.

Въ печати мысль объ инстинктивности творчества Гоголя становится общераспространенной со середины 50-хъ г.г., когда появились первые серьезные матеріалы для біографіи Гоголя и началось изученіе его литературнаго творчества въ связи съ его личностью. Уже первая обстоятельная біографія—книга Кулиша и тѣмъ же Кулишемъ изданныя письма, дали Чернышевскому поводъ устанавливать полную противоположность между безсознательнымъ, глубоко разрушительнымъ смысломъ произведеній Гоголя и столь же глубокимъ консерватизмомъ его сознательныхъ общественно-политическихъ идеаловъ.

За полвѣка, отдѣляющіе насъ отъ біографіи Кулиша и статей Чернышевскаго, появились цѣлыя горы разныхъ новыхъ біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ и неизданныхъ писемъ его. Все это какъ будто подтвердило освѣщеніе гоголевскаго творчества, впервые ясно формулированное Чернышевскимъ. Послѣдніе годы реакціонной борьбы противъ идей 40-хъ и 60-хъ годовъ принесли нѣсколько попытокъ „оправдать“ Гоголя, якобы „оклеветаннаго“ Бѣлинскимъ въ его знаменитомъ письмѣ, вызванномъ появленіемъ „Переписки съ друзьями“. Но эти попытки, главнымъ образомъ, стремятся только къ тому, чтобы показать, какъ искрененъ былъ Гоголь въ своей книгѣ, какъ правъ былъ онъ, возставая противъ излюбленныхъ „шаблоновъ“ либерализма и т. д. Собственно же самого факта полнаго разлада между Гоголемъ, своимъ „горькимъ смѣхомъ“ подкопавшимъ весь нашъ „ancien régime“, и Гоголемъ, въ „Перепискѣ“ провозгласившимъ рядъ византійскихъ идеаловъ, наши новѣйшіе проповѣдники византизма ни мало не поколебали.

Въ связи съ противоположностью человѣка и художника. Чернышевскій установилъ и тотъ, до сихъ поръ, однако, все еще мало проникшій въ общее сознаніе фактъ, что насквозь пропитанная такимъ мрачнымъ обскурантизмомъ „Переписка“ нимало не представляетъ собою какую-то перемѣну фронта, какъ тогда всѣ думали и какъ можно заключить изъ неистово-пламеннаго негодованія Бѣлинскаго. Никакого перелома на самомъ дѣлѣ не было, вплоть до того невыносимо-наставническаго тона и высокомерія, которыя возстановили противъ „Переписки“ даже общественно-политическихъ единомышленниковъ Гоголя. На самомъ дѣлѣ между теоретическими воззрѣніями Гоголя въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и принципами, нашедшими выраженіе въ „Перепискѣ“, никакой разницы не было. „Переписка“, слѣдовательно, создавалась по тому же инстинкту, по которому созданы и великія произведенія Гоголя.

И это, въ общихъ только чертахъ высказанное, объясненіе Чер-

нышевскаго на первый взгляд тоже вполне подтверждается всеми позднѣе изданными матеріалами о Гоголѣ. Въ нихъ не трудно найти рядъ прямыхъ доказательствъ того, что если бы Гоголь хоть сколько-нибудь предчувствовалъ пріемъ, который встрѣтила его книга, онъ никогда бы ее не издалъ. При всей своей отчужденности отъ міра и искреннемъ желаніи убѣжать отъ него, Гоголь былъ очень практиченъ и никогда сознательно не предпринималъ шаговъ, которые ему вредили. Издавая „Переписку“, онъ былъ искренно убѣжденъ, что книга понравится и произведетъ большое и хорошее для автора впечатлѣніе. Неуспѣхъ книги онъ приписывалъ литературнымъ проискамъ, забывая, какой энтузіазмъ возбуждала его литературная дѣятельность именно въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ теперь такъ противъ себя возстановилъ. Побужденій и точки зрѣнія Бѣлинскаго онъ прямо не понялъ и свой (частный) отвѣтъ ему свелъ къ вещамъ второстепеннымъ. Въ своей „Авторской исповѣди“ Гоголь раздѣляетъ отклики, вызванные „Перепискою“, на три разряда: „*Первое*, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣть право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и въ обольщенье человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто“. Только эти три сорта впечатлѣній и подмѣтилъ Гоголь и протестъ Бѣлинскаго тутъ даже не зарегистрированъ. Отнюдь не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣшивать цензурныя затрудненія. Если бы Гоголя сущность негодованія Бѣлинскаго сколько-нибудь затронула, онъ бы, конечно, нашелъ форму для отвѣта. Кое-что онъ даже и опровергалъ. Такъ, напр., онъ нашелъ возможность въ той же „Авторской исповѣди“ мимоходомъ возразить, что онъ не противъ народнаго просвѣщенія. Но возразилъ именно мимоходомъ, вяло, очевидно не заинтересованный. Гоголь всегда считалъ Бѣлинскаго „чужакомъ“ и съ извѣстнымъ недоумѣніемъ относился къ его восторженнымъ похваламъ. Теперь онъ взглянулъ на негодование Бѣлинскаго съ тѣмъ же самымъ недоумѣніемъ.

Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сначала „съ ума сходилъ“ отъ мысли, что всякій геній творитъ безсознательно. Затѣмъ онъ, мало того, что примирился съ этою мыслью, но, со свойственной ему способностью, сейчасъ же все доводитъ до крайнихъ предѣловъ, пришелъ къ убѣжденію, что безсознательность-то и есть главное отличіе генія отъ

обыкновеннаго таланта. Въ томъ же письмѣ къ Кавелину, которое уже было цитировано, онъ говоритъ:

„Геній—инстинктъ, а потому и откровеніе: бросить въ міръ мысль и оплодотворить ею его будущее, самъ не зная, что сдѣлалъ, и думая сдѣлать совсѣмъ не то. Сознательно дѣйствуетъ талантъ, но за то онъ кастратъ, бесплоденъ, своего ничего не родитъ, но зато лѣзетъ, раститъ и крѣпитъ дѣтей генія“.

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, теорія не то что полной бессознательности творчества, но строгой его зависимости отъ условій, внѣ его лежащихъ, сдѣлала огромныя завоеванія: страшно сузила историческая школа значеніе авторскаго произволенія и сущность писательства сведена къ отражательной способности. Если внѣ условій времени и пространства все еще поставлена самая сила отражательной способности, т. е. размѣры и свойства таланта, то въ содержаніи воспроизводимаго всякій историкъ литературы ищетъ ту незримо въ воздухѣ носящуюся потребность времени, которую всегда нетрудно найти въ каждомъ крупномъ произведеніи, ударившемъ по сердцамъ „съ невѣдомою силою“. Строй теоретическихъ возрѣній, лично принадлежащихъ самому художнику, такимъ образомъ, отходитъ на второй планъ. Съ этой точки зрѣнія разладъ между Гоголемъ-художникомъ и Гоголемъ-мыслителемъ, представляя, конечно, большой интересъ (потому что, какъ мы видѣли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, обыкновенно наблюдается тѣсная связь между творчествомъ писателя и его міросозерцаніемъ), не заключаетъ, однако, въ себѣ никакого непримиримаго противорѣчія.

И все-таки, не по „наукѣ“, а просто „по человѣчеству“, есть что-то глубокообидное въ томъ, что мы не имѣемъ возможности любить одинаково-горячею любовью всю совокупность духовной личности великаго писателя. Грубо выражаясь, выходитъ, что человѣкъ, отъ котораго пошло все то, чѣмъ сильна новѣйшая русская литература, не вѣдалъ, что творилъ. Можемъ ли мы и должны ли мы примириться съ такою постановкою вопроса, уничтожающей все обаяніе, связанное для насъ съ понятіемъ о волшебной силѣ всякаго писателя-творца, открывающаго намъ далекия перспективы тамъ, гдѣ мы, простые читатели, до него никогда ихъ не подозрѣвали, осмысливающаго для насъ явленія, мимо которыхъ мы до него проходили совершенно равнодушно?

Не помнимъ въ точности, кто изъ русскихъ соціологовъ, разбирая разныя теоріи причинности историческихъ явленій, говоритъ и о той „коростѣ“, которою легко могутъ покрыться эти сами по себѣ вполне вѣрныя теоріи. Онъ всецѣло, конечно, присоединяется къ тому, что историческая жизнь есть результатъ разныхъ органическихъ

и непреложныхъ условій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшить предостеречь почитателей строго „научнаго“ міровоззрѣнія отъ одной ошибки, въ которую такъ легко впасть при чрезмѣрной послѣдовательности. Если, въ самомъ дѣлѣ, все на свѣтѣ такъ причинно, если, такъ сказать, паденіе всякаго волоса съ головы обусловлено цѣлымъ комплексомъ подготовительныхъ условій, то причѣмъ тутъ окажется живая человѣческая личность, ея стремленіе къ добру и злу и т. д.? Не одинъ ли тутъ шагъ даже до восточнаго фатализма? И вотъ нашъ социологъ энергично вооружается противъ такого приниженія человѣческой личности и справедливо называетъ всякое желаніе безмолвно покориться предъ историческимъ ходомъ вещей злокачественной „коростой“ на здоровомъ тѣлѣ теоріи исторической причинности. Условія условіями, а живая человѣческая личность, при всѣхъ стѣсненіяхъ „историческихъ условій“, тоже величина самодовлѣющая.

Такой же коростой на здоровомъ тѣлѣ теоріи писательства, какъ отраженіи потребностей времени, намъ представляется взглядъ на одного изъ величайшихъ дѣятелей русской литературы какъ на человѣка, который не вѣдалъ, что онъ творилъ. Думается, что, не опускаясь въ философскія глубины вопроса о сущности творчества и объ элементахъ бессознательности въ немъ, мы должны непременно попытаться найти ясность въ собственной духовной жизни писателя, который внесъ такую ясность въ русское общественное самосознаніе, которому мы обязаны самымъ отчетливымъ анализомъ условій нашего общественнаго быта.

И думается, что усмотрѣть полное единство всей творческой дѣятельности Гоголя и полную сознательность ея совсѣмъ не такъ трудно. Для этого нужно только расширить понятіе о „направленіи“, исходя изъ котораго обыкновенно констатируютъ глубокой разладъ между началомъ и концомъ гоголевскаго творчества, между внутреннимъ смысломъ его произведеній и тѣмъ ужасомъ, съ которымъ онъ позднѣе отъ нихъ отрецивался. Можно относиться къ понятію о „направленіи“, какъ къ понятію видовому, и какъ къ понятію родовому. Въ первомъ случаѣ, конечно, задача отысканія единства въ духовной личности Гоголя совершенно безнадежна. Если сводить вопросъ о „направленіи“ только къ подраздѣленію на общественно-политическія партіи, къ консерватизму и либерализму, къ программамъ прогрессивнымъ и реакціоннымъ, къ принципамъ свободнаго мышленія и клерикализму, тогда, несомнѣнно, бездна между Гоголемъ „Ревизора“ и Гоголемъ „Переписки“ будетъ такая, что никакого соединительнаго моста тутъ не перекинешь.

Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы понять психологію писателя, который такъ мучительно метался всю жизнь, какъ Гоголь, то нельзя

ограничиться однимъ частнымъ, видовымъ понятіемъ, потому что то или другое „направленіе“ можно себѣ усвоить, не мѣняя общаго душевнаго склада своего. Надо подняться до широкаго родового понятія о „направленіи“, не ограничивающагося такою переменною величиною, какъ то или другое отношеніе къ общественно-политическимъ вопросамъ. Надо сосредоточить свое вниманіе на основномъ, позволяемъ себѣ такъ выразиться, *психологическомъ рисункѣ*, на который обстоятельства времени и мѣста накладываютъ только ту или другую краску, не мѣняя, однако, ея сущности и основныхъ очертаній.

Чтобы сдѣлать нашу мысль вполнѣ ясной, возьмемъ писателя, который прямо неистово переходилъ отъ одного общественно-политическаго міросозерцанія къ другому и который тѣмъ не менѣе, по общему признанію, остается единымъ во всѣхъ этихъ своихъ киданіяхъ изъ стороны въ сторону. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ. Если нельзя перекинуть никакого соединительнаго моста надъ бездною, отдѣляющей неумолимую язвительность „Ревизора“ отъ елейной покорности „Переписки“, то еще болѣе исключаютъ одна другую отдѣльныя полосы общественно-политическаго міросозерцанія Бѣлинскаго. Не онъ ли изступленно преклонялся предъ всею совокупностью нашего общественно-государственнаго строя 30-хъ годовъ и не онъ ли съ тою же изступленностью поносилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ? Слѣдовательно, съ видовой точки зрѣнія отдѣльныхъ міросозерцаній Бѣлинскій есть воплощеніе непримиримыхъ противорѣчій. Но личность его получаетъ полное единство, какъ только мы беремъ родовое понятіе о „направленіи“, какъ о совокупности тѣхъ глубокихъ предрасположеній, съ которыми человекъ рождается. Изъ консерватора стать радикаломъ, и наоборотъ, — нетрудно, если мы сколько-нибудь искренно составили себѣ то или другое міросозерцаніе. Жизнь или наука развернула предъ нами новыя стороны, предъ нами открылись другіе горизонты, мы увидѣли ошибочность прежняго своего пониманія вещей и, если міросозерцаніе для насъ не карьерная вывѣска, мы его мѣняемъ, конечно, съ душевною болью и муками, но все-таки всецѣло и радикально.

Но никакіе уроки жизни и исторіи не могутъ измѣнить тѣхъ глубинныхъ основъ, которыя заложены въ человека, какъ совокупность темперамента, наслѣдственности и другихъ стихійныхъ элементовъ, а также, конечно, культурныхъ переживаній, и вмѣстѣ создаютъ его природный душевный обликъ. Люди рождаются съ равнодушіемъ къ истинѣ или съ пламеннымъ къ ней стремленіемъ; съ легкою, но переменчивою воспримчивостью или съ такою, что уже разъ что усвоено, такъ на вѣкъ; съ стремленіемъ къ наслажденію или аскетическими склонностями; съ жаждою подвига или глубокимъ эгоизмомъ; съ

жизнерадостностью или равнодушіемъ къ благамъ земнымъ; съ органическою потребностью самопожертвованія или столь же органическою неспособностью къ нему. Вотъ что составляетъ, дѣйствительно, основныя черты всякаго человѣческаго характера, которыя подѣ вліяніемъ разныхъ условій могутъ принять тѣ или другія формы, но никогда не мѣняются по существу и однѣ только и даютъ вѣрный ключъ къ пониманію душевнаго и духовнаго облика. И стоитъ только понять этотъ, какъ его, кажется, лучше всего назвать, *психологическій рисунокъ* человѣка, чтобы затѣмъ узнать его при всѣхъ измѣненіяхъ, какъ мы узнаемъ общій типъ свѣжаго, безбородаго лица юноши и въ обросшемъ густою бородою возмужаломъ лицѣ зрѣлаго мужа, и въ сморщившихся, изборожденныхъ морщинами чертахъ старика.

Такой психологическій рисунокъ намъ и кажется родовымъ понятіемъ о „направленіи“, которое, съ этой точки зрѣнія, можетъ отливаться въ самыя разнообразныя комбинаціи, не теряя своихъ основныхъ свойствъ и не создавая психологической загадки. Съ такой широкой точки зрѣнія общаго психологическаго рисунка выясняется полное единство духовнаго облика Бѣлинскаго, несмотря на всѣ его бурные переходы изъ одной крайности въ другую. Онъ всегда въ нихъ остается тѣмъ же самымъ неистовымъ искателемъ правды, съ одними и тѣми же лозунгами, въ которые онъ, смотря по тому или другому переживаемому фазису *умственного* развитія, вкладываетъ разное содержаніе, но которые всегда одинаково настраиваютъ нравственное чувство читателя.

Такое же единство направленія, т. е. *разряда* настроеній, создаваемыхъ писателемъ, мы не преминемъ усмотрѣть и въ духовномъ обликѣ Гоголя, какъ *писателя-гражданина* по преимуществу. Не будемъ только связывать понятіе о гражданскомъ строѣ мысли непременно съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ, общественно-политическимъ міросозерцаніемъ. Гражданинъ есть тотъ, который въ той или другой формѣ, но страстно и напряженно думаетъ о благѣ родины, ищетъ пути для достиженія этого блага и подчиняетъ всѣ остальные свои стремленія этому верховному руководящему началу. Такимъ гражданиномъ Гоголь былъ всю свою жизнь. Пусть его произведенія говорятъ одно, а его собственные комментаріи ичто совершенно противоположное—это въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Важенъ общій источникъ, изъ котораго рождались и произведенія и позднѣйшее авторское недовольство ими. У Герцена есть превосходное сравненіе для выясненія взаимнаго соотношенія славянофильства и западничества въ моментъ ихъ возникновенія. „У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ),—говоритъ онъ,—запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство---

безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. *Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно*“. Гоголь-художникъ и Гоголь-теоретикъ совершенно такой же двуликій Янусъ. Пусть обѣ его ипостаси смотрятъ въ разныя стороны, но сердечный порывъ всегда былъ у него тотъ же самый, кругъ интересовъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Его не захватываетъ ни любовь, ни семейное счастье, ни область личныхъ радостей и разочарованій, ни воспроизведеніе обстановки, какъ таковой, не захватываетъ его также почти ничего изъ той сферы интимныхъ настроеній человѣка, которое такъ глубоко волнуетъ всѣхъ другихъ писателей и занимаетъ такое огромное мѣсто даже въ произведеніяхъ такихъ специальныхъ ловителей общественныхъ „моментовъ“, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и др. Сфера интересовъ и воспроизведенія Гоголя почти всегда социальная, массовая, онъ, за незначительными исключеніями, никогда почти не рисуетъ индивидуальные портреты, а всегда типовые, всегда набрасываетъ широкія картины, со множествомъ лицъ, которыя отбѣиваютъ и дополняютъ одно другое. Всякій характеръ у него выясняется не столько самъ по себѣ, сколько по столкновенію съ окружающимъ, всякая личность у него часть общественнаго цѣлага. Коллективное всегда поглощаетъ въ произведеніяхъ Гоголя индивидуальное. За исключеніемъ почти-автобіографическихъ этюдовъ о мукахъ творчества, у Гоголя нѣтъ даже героевъ въ обычномъ смыслѣ. Героями его произведеній всегда являются лица собирательныя, какой-нибудь классъ, какое-нибудь сословіе, какая-нибудь полоса жизни. Даже въ стоящихъ особнякомъ произведеніяхъ Гоголя изъ малороссійской жизни, нисколько не сатирическихъ и, слѣдовательно, совершенно свободныхъ отъ общественныхъ задачъ, массовое все-таки выступаетъ на первый планъ. Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканки“ нѣтъ ли одного центрального лица, и героймъ является весь малороссійскій народноэпическій бытъ; въ „Тарасѣ Бульбѣ“, несмотря на всю яркую колоритность самого Бульбы, центральное впечатлѣніе даетъ казачество въ его совокупности.

Отъ этого органическаго интереса Гоголя къ общественности одинъ только шагъ къ его тоскѣ по общественному совершенству. Родившись съ душою, въ которую съ дѣтскихъ лѣтъ было заложено стремленіе ввысь, которую именно потому и оскорбляла такъ глубоко грубость и низменность, и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренный необыкновенною способностью къ анализу, Гоголь оттого и имѣлъ глаза, такъ широко раскрытые на все пошлое и недостойное. Грубое непониманіе Булгаринныхъ и утратившаго чуткость Полевого могли принять

реализмъ Гоголя за любовное копаніе въ грязи. Но въ дѣйствительности Гоголь принадлежалъ къ самымъ экстагическимъ натурамъ своего времени, и болѣзненная жажда идеальнаго, съ родственнымъ пониманіемъ изображенная Гоголемъ въ лицѣ художника Пискарева изъ „Невскаго проспекта“ и художника Черткова въ „Портретѣ“, есть точное изображеніе идеальныхъ порывовъ, волновавшихъ собственную душу автора. Безъ этой страстной жажды высокаго зрѣлище пошлости никогда бы не могло такъ глубоко его задѣвать, не было бы столько послѣдовательности въ томъ неумолимомъ постоянствѣ, съ которымъ Гоголь изображалъ пошлость и отступленіе отъ интересовъ общаго блага. И въ этой-то странной потребности съ одной стороны отыскать все недостойное и вытащить его на свѣтъ Божій для всенародной казни, а съ другой стороны въ глубочайшей скорби о томъ, что пошлость заѣдаетъ міръ, и заключается настоящее „направленіе“ Гоголя. Ему онъ никогда не измѣнялъ и въ этомъ отношеніи психологическій рисунокъ его души былъ всегда одинъ и тотъ же. Пусть онъ ошибался, направляя подъ копецъ жизни поиски спасительныхъ началъ туда, гдѣ ихъ было всего менѣе,—это была только печальная ошибка, ошибка фактическая, но не по намѣреніямъ. И въ обскурантскомъ міровоззрѣніи „Переписки“, и въ его неудачныхъ съ художественной точки зрѣнія, но глубоко-выстрадавшихъ попыткахъ второй части „Мертвыхъ душъ“ дать не только отрицательные, но и положительные типы, столько же глубокой жажды добра, какъ и въ грозной обличительной дѣятельности, положившей начало русскому общественному самосознанію.

И вотъ зададимъ себѣ опять тотъ же самый вопросъ: могла ли душевная дѣятельность такой страшной напряженности, такого послѣдовательнаго направленія ударовъ въ одну точку происходить безсознательно? Могъ ли человѣкъ такой гениальной проницательности, сумѣвшій пробраться даже въ душу какого-нибудь лишеннаго человѣческаго образа Акакія Акакіевича, оказаться невнимательнымъ къ тому, что происходитъ въ его собственной душѣ?

Поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ въ только что вышедшихъ подъ редакціей В. И. Шенрока четырехъ убористыхъ томахъ переписки Гоголя, которая прежде была разбросана по многимъ десяткамъ журнальныхъ книжекъ и была почти недоступна сколько-нибудь систематическому ознакомленію.

II.

Письма, изданныя г. Шенрокомъ, не представляютъ собою какой-нибудь полной историко-литературной новинки. Большинство изъ нихъ было уже напечатано. Но, во-первыхъ, не всегда полностью. Особенной кастраціи подверглись письма, появившіяся вскорѣ послѣ смерти Гоголя въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ подъ редакціей Кулиша въ 1857 г. (6-томное). Многие, именно все очень интимное было выброшено самимъ редакторомъ, которому надо было считаться съ щепетильностью еще живой тогда матери Гоголя и другихъ его родственниковъ. Но не мало было и такого, что пришлось опустить и по требованію цензуры. Хотя тогда уже наступали „новыя вѣянія“, однако надо было поступаться фразами и отдѣльными словами, нецензурность которыхъ теперь уже мудрено понять. Такъ, напр., была изгнана квалифікація Петербурга, какъ „чухонскаго города“, была выброшена фраза Гоголя, что на открытіе памятника Александру I наѣхало „офицеры и солдатства страшное множество—и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно“. Переписка Гоголя съ его землякомъ Максимовичемъ, промѣнявшимъ каѳедру въ Москвѣ на профессуру въ Кіевѣ, была, очевидно, подвергнута изученію съ точки зрѣнія того щедринскаго сердцевѣда, который открылъ заговоръ съ цѣлью отдѣленія Миргорода отъ Малороссіи. Поэтому не могъ увидѣть свѣта такой возгласъ Гоголя: „Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетьманщину“ и т. д.

Помимо возстановленія всѣхъ этихъ пропусковъ, изданные г. Шенрокомъ четыре тома Гоголевской переписки имѣютъ тотъ первостепенный историко-литературный интересъ, что хронологическое распредѣленіе какъ бы развертываетъ передъ нами дневникъ великаго писателя и даетъ возможность слѣдить за постепеннымъ нарастаніемъ и обостреніемъ его настроеній.

Переписка начинается съ очень ранняго возраста Гоголя—съ 1820 г., когда 11-лѣтній мальчикъ былъ отправленъ въ Нѣжинскій лицей или „гимназію высшихъ наукъ“. Письма Гоголя-мальчика, прежде всего, поражаютъ своею трезвостью и дѣловитостью. Всякій, кто приступаетъ къ изученію ихъ съ обычнымъ представленіемъ о громадной роли бессознательнаго элемента въ духовной жизни Гоголя, не можетъ не быть удивленъ совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ дѣтскости и полною сознательностью. Это толь въполнѣ взрослого человека. Правда, встрѣчаются въ нихъ и очень сентиментальныя мѣста,

какъ будто свидѣтельствующія о дѣтской чувствительности. Такъ, напр., въ первыхъ письмахъ изъ Нѣжина онъ самъ же сообщаетъ „дражайшимъ родителямъ“ о чисто-ребяческой плаксивости своей: „Всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“. Въ позднѣйшихъ письмахъ Нѣжинскаго періода несравненно рѣже, но тоже попадаются такія же дѣтски - чувствительныя мѣста, какъ попадаютъ, впрочемъ, подобныя же сообщенія о „льющихся слезахъ“ и въ письмахъ Гоголя-мужа (Ср., напр., письмо къ Жуковскому отъ 1836 г., I, 383). Но все это имѣетъ свое объясненіе. Во-первыхъ, въ томъ, что письма молодого Гоголя весьма часто были для него упражненіями въ слогѣ и, конечно, въ слогѣ высокомъ, а затѣмъ тутъ сказалась одна изъ существенныхъ сторонъ всего его психологическаго склада. Мы говоримъ о той загадочной смѣси глубочайшей искренности съ хохлацкой хитростью, которую такъ быстро примѣтилъ въ Гоголѣ даже очень любившій его Пушкинъ и которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его характера. Въ письмахъ Гоголя-отрока эта смѣсь выступаетъ очень ярко. Почти каждое письмо его состоитъ изъ двухъ частей. Сначала идутъ трогательнѣйшія нѣжности и проявленія сыновней любви, нѣжности, безусловно искренней въ основѣ, но всегда на нѣсколько градусовъ надбавленной. А затѣмъ обязательно слѣдуетъ маленькій, но настойчивый постъ-скриптумъ или мимоходомъ брошенная просьба присылки денегъ, книгъ, вещей. И родители, а въ особенности мать, очень любившіе своего „Никошу“, знали эту повадку сына, чѣмъ и объясняется, что они по цѣлымъ мѣсяцамъ не отвѣчали ему на его пересыпанныя нѣжностями просьбы. Вотъ небольшой образчикъ этой своеобразной переписки:

„Дражайшіе родители, папенька и маменька. Долгое молчаніе ваше удивляетъ меня. Не знаю, какая тому причина. Мѣсяца три не получаю отъ васъ извѣстія. Это повергаетъ меня въ горестное уныніе. Я начинаю думать, не случилось ли вамъ какого несчастья (чего сохрани Богъ). Ради Бога, нетерзайте меня симъ печальнымъ недоумѣніемъ. Утѣшите хоть двумя словами...

Р. С. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки тѣхъ вещей, о которыхъ я васъ просилъ. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ для рисованія тонкаго полотна нѣсколько аршинъ“ (I, 20).

Безъ такого рода постъ-скриптума или мимоходной по формѣ, но настоятельной по существу просьбы не обходится почти ни одно письмо молодого лиценста, какъ рѣдко, впрочемъ, обходится безъ нихъ и вся вообще переписка Гоголя, даже съ интимнѣйшими его друзьями.

Извѣстно, что эта характерная черта гоголевской переписки не разъ уже возстановляла противъ него тѣхъ, кому приходилось ее изучать. На что былъ незлобивый человѣкъ и писатель покойный Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Но когда ему пришлось писать вступительную замѣтку къ нѣкоторымъ письмамъ Гоголя, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ (1875 г., т. XIV), и когда буквально въ каждомъ изъ этихъ писемъ приходилось имѣть дѣло съ такою схемою: сначала рядъ разсужденій о высокихъ предметахъ, а затѣмъ просьбы или порученія, онъ не вытерпѣлъ и разразился характеристикой, въ которой исчезло всякое доброе чувство къ великому писателю. По этой характеристикѣ Гоголь былъ чѣмъ-то въ родѣ систематическаго вымогателя денегъ и подачекъ всякаго рода. Мы не станемъ теперь останавливаться на искреннемъ негодованіи не только прямодушнаго, но въ данномъ случаѣ и близорукаго въ своей прямолинейности Миллера. Онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Гоголь былъ страшно замкнутый въ себѣ и скрытный человѣкъ, и что онъ почти не ощущалъ потребности въ томъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь дѣлиться мыслями и впечатлѣніями и кому-нибудь изливать свою душу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ писалъ письма *только* тогда, когда ему что-нибудь нужно было. Неудивительно, слѣдовательно, что въ его письмахъ столько просьбъ и вообще дѣловаго. Значительнѣйшая часть его переписки—это дѣловыя просьбы по существу, въ которыхъ все остальное писалось больше для прилику. Не станемъ также теперь останавливаться на квалификаціи этого приѣма, которое получаетъ свое правильное освѣщеніе только тогда, когда мы его приведемъ въ связь со всѣмъ существомъ Гоголя, когда мы поймемъ, что Гоголь весь состоитъ изъ смѣси добра и зла, изъ искренности и притворства, изъ подъемовъ и паденій, что онъ, по собственному выраженію, „сгоралъ“ въ поискахъ правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда имъ овладѣвали земныя побужденія, былъ весьма себѣ на умѣ. Итакъ, не станемъ пока останавливаться на подыскиваніи надлежащаго объясненія къ дѣловымъ кончикамъ гоголевскихъ писемъ. Извлечемъ пока только изъ этой черты немаловажный—таки доводъ въ пользу основного тезиса нашей статьи, убѣдимся изъ нея лишній разъ, что бессознательность всего менѣе характеризуетъ Гоголя: хитрость и заднія цѣли, во всякомъ случаѣ, исключаютъ бессознательность.

Тонъ взрослого и дѣловаго человѣка, характеризующій письма Гоголя-отрока, особенно поражаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная утрата душевнаго равновѣсія никого бы не удивила. Въ апрѣлѣ 1825 года онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, смерти неожиданной, потому что обычное недомоганіе Василя Леонасьевича не давало никакого повода ожидать столь быстраго конца. Отца своего

Гоголь, несомнѣнно, очень любилъ, и смерть его, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ его же собственнаго письма, несомнѣнно, произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Но посмотрите, какимъ философомъ ведетъ себя 16-лѣтній лиценстъ, какую огромную способность сдерживать себя проявляетъ онъ при этихъ совершенно необычныхъ условіяхъ. Вотъ замѣчательное и въ высшей степени характерное письмо, которое онъ пишетъ матери и въ которомъ скорѣе является ея старшимъ братомъ, чѣмъ сыномъ:

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однако-жь, не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолю, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра. Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоценнаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что-бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоценнѣе?

Такъ, я имѣю васъ, и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня безпокоить болѣе всего ваша горестъ! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему“... (I, 26).

Болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе оставляетъ этотъ столь важный, по вызвавшимъ его обстоятельствамъ, отголосокъ внутренней жизни юноши. При всей несомнѣнно глубоко-искренней религіозности и любви къ матери, сколько тутъ риторическаго элемента и отсутствія непосредственности. Передъ нами какой-то образчикъ мудро-почтительнаго письма изъ письмовника или нравоучительной книжки. Какое отсутствіе какого бы то ни было „лирическаго безпорядка“, какая стройность изложенія, какой подходящій стиль въ этомъ, очевидно, тщательно-обработанномъ и обдуманномъ, скорѣе „посланіи“, чѣмъ просто письмѣ. А въ заключеніе еще обычный постъ-скриптумъ: „Ежели я васъ этимъ не побезпокою и ежели вы можете, то пришлите мнѣ 10 рублей на книгу, которую мнѣ надобно купить, подъ заглавіемъ „Курсъ Россійской Словесности“, ибо у насъ ее проходятъ“. И постъ-скриптумъ-то еще не простой, а съ извѣстнымъ усиленіемъ эффекта, потому что, изложивши свою просьбу о деньгахъ на покупку книги, Гоголь благонаравно прибавляетъ: „На свои нужды

мнѣ ничего не надобно“. И такъ, даже въ такой совершенно необычайный и экстренный моментъ жизни разсудочность ярко окрасила собою чистый и непосредственный порывъ.

Но, рядомъ съ разсудочностью и дѣловитостью, отроческія письма Гоголя даютъ намъ возможность заглянуть и въ лучшую часть его души. Мы найдемъ здѣсь и богатѣйшіе доводы для второго тезиса настоящей статьи, для уясненія того, какъ много высоко-гражданскихъ стремленій таилось въ глубинѣ этой всегда задумчивой, всегда серьезной натуры.

Особенности духовнаго существа Гоголя особенно ярко выдѣляются на тускломъ фонѣ лицейскаго быта. Это, въ общемъ, была обстановка удивительно-плоская и ничтожная, которой были чужды какія бы то ни было стремленія ввысь. Между учителями почти ни одного, сколько-нибудь будившаго духъ, между товарищами огромное большинство—люди, которыхъ Гоголь окрестилъ эпитетомъ „существователи“—добрые малые, но очень уже погрязшіе въ малороссійской лѣни и умственной неповоротливости. И Гоголь отчетливо сознавалъ ничтожество этой обстановки и съ тоской писалъ одному изъ немногихъ близкихъ товарищей своихъ—Г. И. Высоцкому, годомъ раньше его кончившему курсъ и уѣхавшему въ Петербургъ:

„Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе челоуѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться.. Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркаль видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдававшаяся въ твоихъ глазахъ, слышится и мнѣ“ (I, 75).

Въ первыхъ строкахъ сейчасъ приведеннаго отрывка мы слышимъ мотивъ, который начинаетъ весьма опредѣленно звучать въ душѣ Гоголя. Имъ начинаетъ овладѣвать странное стремленіе выбиться изъ „низкой неизвѣстности“ и „означить свое существованіе въ мірѣ“ (I, 89). Мечтая о томъ, какъ онъ будетъ жить въ Петербургѣ, который ему кажется чѣмъ-то волшебнымъ, но понасть куда онъ мало надѣялся, Гоголь съ тоскою восклицаетъ въ письмѣ къ тому же любезному его сердцу Высоцкому:

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ такомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое иеретено судьбы зашвырнетъ меня съ толикою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“ (I, 78).

Въ это-то время и родился злосчастный литературный первенецъ Гоголя—идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“, напечатанная два года спустя, но, такъ сказать, выстрадавшая именно въ эпоху порываній

въ Петербургъ. Покойный Тихонравовъ и г. Шенрокъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Н. В. Гоголя“ давно уже подчеркнули автобіографическое значеніе „Ганца Кюхельгартена“, гдѣ, въ формѣ рвущагося уйти изъ мирной домашней обстановки Ганца, Гоголь передалъ свою собственную тоску по болѣе блестящей долѣ. Часто одними и тѣми же, какъ въ письмахъ, словами, выраженіями Ганць Кюхельгартенъ восклицаетъ:

Все рѣшено. Теперь ужели
 Мнѣ здѣсь душою погибать?
 И не узнать иной мнѣ цѣли?
 И цѣли лучшей не сыскать?
 Себя обречь безславью въ жертву?
 При жизни быть для міра мертву!
 Душой-ли, славу полюбившей,
 Ничтожность въ мірѣ полюбить?
 Душой-ли, къ счастью не оставшей,
 Волненья міра не испить?
 И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
 Существованья не отмѣтить?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ Гоголя возникаетъ неопредѣленная, но твердая увѣренность, что ему предстоитъ что-то важное въ жизни. „Я совершу свой путь въ жизни“, пророчески пишетъ онъ матери въ послѣдній годъ нѣжинскаго пребыванія, и отсюда его твердое рѣшеніе оставить милую сердцу, уютную, но сонную и погрязшую въ тинѣ ежедневности родную среду.

Въ этихъ порываніяхъ на болѣе широкой просторъ нельзя, конечно, усмотрѣть чего бы то ни было особенно характернаго. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ довольно обычнымъ юношескимъ честолюбіемъ и столь же обычнымъ кипѣніемъ юношескихъ силъ, когда полнота созрѣванія и предвкушеніе жизни въ каждомъ человѣкѣ поселяютъ какое-то особое, приподнятое настроеніе и увѣренность, что предстоитъ что-то большое, свѣтлое, хорошее.

Но присмотримся не только къ источнику, но и къ содержанію гоголевскихъ порываній уйти изъ ничтожества родного быта, и мы сразу встрѣчаемся съ чѣмъ-то совершенно необычнымъ. Этотъ юноша, вышедшій изъ среды, гдѣ всякій погруженъ только въ животныя заботы о самомъ себѣ, это, вѣроятно, близкій родственникъ Аеанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, этотъ сосѣдъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича видитъ свое счастье исключительно въ дѣятельности общественно-государственной. Чѣмъ-то безконечно-чуждымъ всей воспитавшей его средѣ отзывается фраза въ письмѣ Гоголя къ матери: „Во снѣ и на-яву мнѣ грезится Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ и служба *государству*“ (I, 58). Хорошая матушка Гоголя, вѣ-

роятно, въ первый разъ и съ понятіемъ такимъ выпрепненнымъ знакомилась. „Государство“! Всякій понималъ „службу“, чтобы выслужаться, „устроить свою судьбу“. Но мечтать о службѣ какому-то „государству“ могли только пустые люди, какъ это съ полною очевидностью явствуетъ изъ нижеприводимаго замѣчательнаго письма Гоголя къ Косяровскому. Здѣсь Гоголь прямо заявляетъ, что не рѣшался дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими завѣтными мечтами о служеніи „благу государства“. Кому бы я повѣрилъ и для чего-бы выказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ челоуѣкомъ?“ (I, 89). Но стремленіе служить высшимъ интересамъ до такой степени овладѣваетъ Гоголемъ въ эпоху порываній въ Петербургъ, т. е. въ 1827 году, что въ той или другой формѣ оно сказалось почти во всѣхъ письмахъ, относящихся къ этому году. Разказывая Высоцкому о томъ, что многіе изъ товарищей, собиравшіеся въ Петербургъ, испугались свѣдѣній о петербургской дороговизнѣ и „наостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недалнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною“, Гоголь затѣмъ прибавляетъ: „Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы челоуѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельные намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ...“ (I, 79). Вскорѣ затѣмъ Гоголь пишетъ матери коротенькое письмецо въ 14 строкъ, но и тутъ, скорбя о томъ, что не можетъ пріѣхать на Рождество домой изъ-за выпускныхъ экзаменовъ, ощущаетъ потребность дать выходъ переполняющему его чувству:

„Вы знаете, какъ я всегда въ это время радъ быть съ вами, а теперь принужденъ лишиться моего прекраснѣйшаго удовольствія, которое я замѣняю только утѣшеніемъ будущаго свиданія по выпускѣ моемъ, а до того времени въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи *) будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мѣрѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ быть, незамѣтная, но, по крайней мѣрѣ, всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣніемъ, одною пользою отечеству“ (I, 93).

Какая серьезность настроенія, какая опредѣленность стремленій! И это пишетъ юноша 18-ти лѣтъ. Глубина этого настроенія исключаетъ всякое заподозриваніе его искренности. Да и передъ кѣмъ нужно было становиться на ходули? Передъ доброй, но весьма малоинтеллигентной женщиной, которую всякая приподнятость могла только отпугать. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что

*) Языкъ Гоголя въ эту эпоху полонъ самыхъ неправильныхъ оборотовъ и искусственныхъ словъ.

туть сказалась только замѣчательная сосредоточенность на одной мысли, и не покажется намъ поэтому высокою фразой возгласъ Гоголя въ другомъ письмѣ къ матери: „Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что *я всю жизнь свою обрекъ благу*“ (I, 98). Тѣмъ болѣе не должно показаться, что буквально то же самое мы встрѣчаемъ и въ писанномъ въ это же самое время „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“:

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
 Когда въ порѣ самопознанья,
 Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
 Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
 Цѣль высшую существованья;
 Когда не грезъ пустая тѣнь,
 Когда не славы блескъ мишурный
 Его тревожатъ ночь и день,
 Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
 Но мысль и крѣпка, и бодря
 Его одна объемлетъ, мучить
Желаньемъ блага и добра.

Мы привели цитаты изъ шести различныхъ мѣстъ переписки и литературныхъ произведеній Гоголя, относящихся къ эпохѣ его порываній въ Петербургъ. Яркости ихъ было бы совершенно достаточно, чтобы быть прямо пораженнымъ высотой совершенно опредѣленныхъ стремленій молодого лицейста посвятить себя благу ближнихъ и государства. Передъ нами, слѣдовательно, гражданское міросозерцаніе рѣдкой выдержанности и силы.

Но всѣ цитированныя нами мѣста, вмѣстѣ взятыя, совершенно блѣднѣютъ предъ замѣчательнѣйшимъ письмомъ Гоголя къ дядѣ его, Петру Петровичу Косяровскому. Къ этому письму намъ надо отнестись съ особымъ вниманіемъ, потому что тутъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ самымъ центральнымъ матеріаломъ для характеристики Гоголя въ пору его отрочества. Петра Косяровскаго Гоголь особенно любилъ и предъ нимъ, собираясь оставить Малороссію навсегда, онъ раскрылъ всю свою душу:

„Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ *самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламеннѣе неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу*. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь

только я могу быть благодаренъ, здѣсь только буду истинно-полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастье, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ, законовъ; теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся ли высокія мои начертанія? или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ, Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно-достоинныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого ли, что вы, можетъ быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участіе или по связи близкаго родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не посчитаете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставляютъ окрѣпнуть въ предположенномъ начертаніи. Ежели-же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же какъ я затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямые предначертанія“ (I, 89—90).

Умоляющій тонъ послѣднихъ строкъ исключаетъ всякое заподозриваніе полной искренности письма. Это, несомнѣнно, задушевная исповѣдь. Заднихъ цѣлей у Гоголя тутъ не могло быть никакихъ: онъ отъ Косяровскаго ничего не ждалъ, и ему не для чего было выставить себя предъ нимъ въ эффектномъ нарядѣ.

Всякая вещь познается сравненіемъ. И вотъ, перебирая юные годы писателей гоголевскаго поколѣнія, мы развѣ только въ жизни Герцена и Огарева, въ столь же юные годы давшихъ другъ другу клятву посвятить себя благу человѣчества, можемъ найти нѣчто аналогичное гоголевскому желанію всецѣло отдаться служенію „благу“. Но не забудемъ огромной разницы въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ сложилось направленіе Герцена и Огарева, и тѣхъ, въ которыхъ воспитался Гоголь. Герценъ и Огаревъ воспитались подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и Сенъ-Симона. Гоголь же и именъ такихъ не слыхалъ, и вообще читалъ мало и до своего настроенія дошелъ путемъ вполнѣ самостоятельнымъ, взявъ его только изъ движеній собственнаго сердца. А кромѣ Герцена и Огарева, нельзя уже указать ни одного изъ старыхъ писателей, у котораго стремленіе приносить людямъ „пользу“ было до такой степени сильно, ярко и опредѣленно. Тутъ именно поразительна сила сосредоточенности. Отдѣльныя вспышки, отдѣльные моменты такихъ высокихъ стремленій мы найдемъ и у Пушкина, и у Лермонтова, и у другихъ. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они были молоды, всѣ не только мечтали о томъ, чтобы пить изъ чаши наслажденій, но и пили изъ нея глубликими глотками. Гоголь же прямо даже не мечталъ никогда о какихъ бы то ни было наслажденіяхъ, а еще того менѣе пользовался ими въ дѣйствительности. Оттого онъ и могъ отдаваться такъ всецѣло своимъ порывамъ и настроеніямъ. Тутъ сказываются особенности того, что мы выше назвали психологическимъ рисункомъ человѣка. Въ основѣ своего душевнаго склада Гоголь—самая аскетическая натура всей русской литературы. Этому человѣку лично для себя почти ничего не нужно было. Онъ обыкновенно ѣлъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы минимально поддерживать свое истинно-бренное тѣло, онъ почти не пилъ, почти не бывалъ въ гостяхъ въ обычныхъ цѣляхъ развлечения, не игралъ въ карты, никогда не ухаживалъ за женщинами и, повидимому, не зналъ въ своей жизни ни одной сердечной привязанности. Онъ никогда не мечталъ устроиться „домкомъ“, никогда не имѣлъ осѣдлости, вѣчно странствовалъ. Словомъ, по психологическому рисунку своему, это былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка. Но аскетизмъ Гоголя никогда не бѣгалъ отъ людей. Онъ былъ не изъ тѣхъ монаховъ, которые уходятъ въ пустыню, чтобы спасти только свою душу и отрясаютъ отъ себя пыль міра сего. Гоголь всегда и самъ работалъ для міра и другихъ къ этому звалъ. Всѣ обскурантскіе совѣты „Переписки“ представителямъ разныхъ общественныхъ положеній — губернаторамъ, помѣщикамъ и т. д. именно основаны на томъ, чтобы всякаго человѣка заставить работать для ближняго, чтобы во всякой сферѣ привести его въ связь съ интересами другихъ людей. Другой вопросъ, въ чемъ видѣлъ авторъ „Переписки“ работу для ближняго, но теперь рѣчь идетъ только о направленіи, въ которомъ билась его мысль въ поискахъ лучшаго общественнаго будущаго.

Отроческая переписка Гоголя показала намъ, что напряженнѣйшія думы о служеніи людямъ столь же переполняли великаго писателя на зарѣ жизни, какъ и на закатѣ ея. Предъ нами, слѣдовательно, одинъ стройный аккордъ, звучащій въ одномъ и томъ же тонѣ, хотя между крайними точками его лежитъ промежутокъ въ двадцать лѣтъ. Можно ли поэтому хотя на одну минуту допустить, чтобы человѣкъ, съ такою ясно-поставленною и сознательною цѣлью въ началѣ и концѣ поприща, утратилъ эту сознательность въ срединѣ своего поприща, въ центральную эпоху высшаго расцвѣта своего геніальнаго творчества? Можно ли отказать въ сознательности Гоголю-мужу, когда мы вынуждены фактами удивляться ея опредѣленности даже въ Гоголѣ-отрокѣ?

III.

Пламенная мечта Гоголя осуществилась, онъ въ самомъ концѣ 1828 г. пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ съ небольшими перерывами остается до 1836 г., когда надолго уѣзжаетъ за границу.

Эти немногіе годы захватываютъ почти всю творческую дѣятельность Гоголя: частью вышло въ свѣтъ, частью начато все то, съ чѣмъ связана великая слава его. Въ 1831 г. появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“; въ 1835 г. вышли 2 части „Миргорода“, гдѣ впервые напечатаны „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“ и перепечатана изъ „Новоселья“ „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“; въ журналахъ 1835 и 1836 гг. напечатаны „Носъ“ и „Коляска“; къ 1833—36 гг. относятся „Утро дѣлового челоуѣка“, „Женитьба“ и „Ревизоръ“; въ 1834 г. задумана „Шипель“, въ 1835 г. начаты „Мертвыя души“, первыя главы которыхъ успѣлъ еще прослушать Пушкинъ.

Передъ нами, слѣдовательно, весь Гоголь. Если главная часть „Мертвыхъ Душъ“ и писана во время заграничнаго пребыванія 1837—39 гг., то все-таки въ томъ же тонѣ и направленіи которые создались въ творческомъ настроеніи Гоголя въ эпоху его петербургской жизни.

Такимъ образомъ, эти годы имѣютъ вполне рѣшающее значеніе для изученія Гоголя. Въ предѣлахъ намѣченной нами задачи, ознакомиться съ умственнымъ строемъ Гоголя петербургскаго періода—значитъ имѣть ключъ къ уразумѣнію всей его дѣятельности. Вдобавокъ, въ эти же годы Гоголь выступилъ не только какъ художникъ, но и какъ ученый, занявъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора кафедрѣ всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Помѣстивъ онъ затѣмъ также нѣсколько критическихъ статей въ только что тогда основанномъ (1836) Пушкинскомъ „Современникѣ“ и въ своихъ „Арабескахъ“.

Какъ историческія занятія Гоголя, такъ и его попытки въ области критики должны имѣть особенное значеніе при рѣшеніи вопроса о безсознательности творчества великаго писателя. Едва ли кто станетъ спорить противъ того, что знаменателенъ уже самый фактъ, что Гоголь около 1½ лѣтъ состоялъ въ числѣ профессоровъ петербургскаго университета. Столь же поучителенъ, конечно, и фактъ появленія значительной критической статьи Гоголя („О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“) въ журналѣ такого тонкаго литературнаго цѣнителя, какъ Пушкинъ. Пушкинъ не сталъ бы поощрять съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушивавшагося къ его совѣтамъ

Гоголя взяться за критику, если бы въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ не подмѣтилъ тонкаго вкуса и умѣнія разбираться въ литературныхъ вопросахъ. Уже одинъ фактъ появленія Гоголя въ роли критика, и критика, какъ мы дальше увидимъ, съ безусловно-серьезнымъ чутьемъ и серьезнѣйшими представленіями о роли литературы и журналистики, чрезвычайно знаменателенъ. Какъ бы самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ же такъ Гоголь, въ качествѣ литературнаго судьи показавшій, что онъ превосходно понималъ творчество другихъ писателей, могъ оказаться глухимъ и слѣпымъ къ особенностямъ собственнаго творчества?

Однако, изъ этихъ двухъ важнѣйшихъ фактовъ духовной біографіи Гоголя его критическая дѣятельность обыкновенно совершенно игнорируется, а вопросъ о профессорствѣ Гоголя до сихъ поръ освѣщенъ у насъ односторонне.

О послѣднемъ эпизодѣ біографіи Гоголя говорятъ только осудительно, только со стороны того, что Гоголь не былъ подготовленъ для ученой дѣятельности, обладалъ весьма ограниченнымъ количествомъ знаній и т. д.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ значительной степени все это совершенно справедливо. Оставляя даже въ сторонѣ свидѣтельство современниковъ, изъ которыхъ особенно извѣстностью пользуется рассказъ Тургенева въ его воспоминаніяхъ, можно и въ перепискѣ Гоголя найти подтверженіе того, что профессорство Гоголя потерпѣло рѣшительное фіаско. Сообщая въ декабрѣ 1835 г. Погодину, что „эти полтора года—годы моего безславія“, Гоголь съ горечью констатируетъ: „Общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся“.

И тѣмъ не менѣе, можно привести цѣлый рядъ фактовъ, совсѣмъ иначе освѣщающихъ профессорство Гоголя и показывающихъ, что если оно и принесло ему „безславіе“, то, главнымъ образомъ, потому, что отъ него, съ такимъ блескомъ выступившаго на литературномъ поприщѣ, ожидали такого же блеска и на поприщѣ научномъ. Попробуйте-ка сравнить Гоголя съ среднимъ профессоромъ первой половины тридцатыхъ годовъ, и онъ окажется не только не ниже, но значительно выше очень многихъ изъ нихъ. Уже одно то, что Гоголь—худо ли, хорошо ли, это другой вопросъ,—составлялъ *собственные* лекціи, было явленіемъ необычнымъ. Въ то блаженное время, въ огромномъ большинствѣ случаевъ и не слыхать было, чтобы профессоръ преподавалъ что-нибудь самостоятельное. Читали тогда въ буквальномъ смыслѣ слова *по* тому или другому переводному руководству. Такъ напр., читали не словесность вообще, а „словесность *по Бургію*“, „право *по Гейнекию*“ и т. д. Ужъ на что былъ

ученый человекъ Каченовскій, но и онъ читалъ не всеобщую исторію, а „всеобщую исторію по Пеллицу“.

Что касается знаній профессоръ того времени, то достаточно вспомнить записки Пирогова или „Былое и думы“ Герцена, чтобы опять-таки убѣдиться, что Гоголь и въ этомъ отношеніи всего менѣе представлялъ собою отрицательное явленіе. Нельзя же его, въ самомъ дѣлѣ, поставить на одну доску, напримѣръ, съ наставникомъ Пирогова—московскимъ профессоромъ В. М. Котельнищенимъ, занимавшимъ важную кафедру фармакологіи въ важнѣйшемъ русскомъ университетѣ и не умѣвшимъ какъ слѣдуетъ усвоить даже содержаніе того учебника, по которому „читалъ“. Преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ всходилъ на кафедру, раскрывалъ книгу и „начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ описками... Василій Михайловичъ съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Ювскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“. Затѣмъ кладетъ книгу, нюхаетъ со всхрапываемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „Вотъ видишь ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ“. Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ вмѣсто китайцевъ— „*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ“.

Этотъ разсказъ Пирогова относится къ концу 20-хъ гг. Въ томъ же стилѣ разсказы Герцена, относящіеся уже къ 1831—34 гг., значить, прямо къ эпохѣ профессорства Гоголя. Профессоръ Герцена Чумаковъ „подгонялъ формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и X за извѣстное“. Рейсъ „никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Онъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины старика пригласили въ Россію; ему не хотѣлось—онъ отиравилъ вмѣсто себя племянника“ и т. д.

Всѣ эти разсказы, замѣтимъ, относятся къ профессорамъ такихъ факультетовъ, гдѣ преподаваніе безъ положительныхъ знаній какъ будто и представить себѣ нельзя. Нечего уже говорить, какъ были плохи профессора по наукамъ нравственнымъ, политическимъ и историческимъ, съ ихъ неопредѣленными очертаніями. Престижъ профессорскій былъ такъ малъ даже въ то малоученное время, что въ 1831 г. Пушкинъ писалъ Погодину: „Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету“.

Таковъ былъ общій обликъ московскаго университета, старѣйшаго

и лучшаго изъ русскихъ университетовъ, гдѣ все-таки были и отдѣльныя отрадные исключенія, и въ которомъ уже показывались первые признаки замѣчательнаго подъема научнаго уровня, начинающагося со середины 30-хъ гг. Петербургскій же университетъ стоялъ значительно ниже, и воспитанники его въ своихъ позднѣйшихъ разсказахъ объ университетскихъ годахъ не находили въ своей памяти почти ни одного профессорскаго имени, о которомъ могли бы говорить съ признательностью. Таковы воспоминанія учившагося въ петербургскомъ университетѣ въ 1835—37 гг. Тургенева, который такъ мало вынесъ изъ петербургскаго ученія, что, отправившись за границу „усовершенствоваться“, долженъ былъ по многимъ предметамъ за сѣсть за азбуку. Сверстникъ его по петербургскому университету, Грановскій, послушавъ берлинскихъ профессоровъ, впалъ въ совершенное отчаянiе отъ своего невѣжества и, узнавъ, что такое есть настоящая профессорская ученость, хотѣлъ отказаться отъ всякихъ притязаній на профессорскую дѣятельность, для подготовленія къ которой его послали.

Вотъ тѣ факты, съ точки зрѣнiя которыхъ надо разсуждать о томъ, былъ ли подготовленъ Гоголь занять кафедру. До введенія устава 1834 года, до заведенныхъ тогда же командировокъ кандидатовъ въ профессора за границу, общій уровень профессорскаго персонала былъ поразительно низкiй. Вотъ почему обычное отношенiе къ профессору Гоголя, какъ къ чему-то близко граничащему съ нахальствомъ и даже, по выраженiю Ореста Миллера, „позорному“, страдаетъ полнымъ отсутствiемъ исторической перспективы. Несостоятельность этого отношенiя особенно ярко выясняется перепискою Гоголя, изъ которой мы сейчасъ извлечемъ рядъ доказательствъ, что мысль о *профессорствѣ* возникла не въ немъ самомъ, и внушена ему другими, и притомъ людьми съ установившеюся ученою репутациею. Гоголь сталъ петербургскимъ адъюнктъ-профессоромъ въ 1834 г., но до того ему *трижды* предстояло быть адъюнктъ-профессоромъ: сначала въ московскомъ университетѣ, затѣмъ въ кievскомъ, затѣмъ опять въ московскомъ, и всякiй разъ не по его иниціативѣ, всякiй изъ этихъ трехъ разовъ Гоголю дѣлались предложенiя, но онъ ихъ не принималъ. Отъ кого исходило первое предложенiе, неизвѣстно. Имѣется только глухое заявленiе Гоголя въ его письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 г.: „Назадъ тому три года (я) могъ бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали“ (I, 270). Второе предложенiе относится къ концу 1833 г. и началу 1834, когда набирали профессоровъ для только что учрежденнаго тогда кievскаго университета. Въ числѣ ихъ былъ землякъ и большой прiятель Гоголя, извѣстный М. А. Максимовичъ. Онъ и сталъ звать въ Кiевъ Гоголя, который съ радостью принималъ

это предложеніе. Въ тѣхъ восторженныхъ выраженіяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, сказать кстати, весьма должны радовать „ширыхъ украинцевъ“), которыми Гоголь отвѣтилъ Максимовичу, слышится истинное воодушевленіе спеціалиста. Гоголь тогда страстно увлекался малоросійскою исторіею и стариною и ему рисовалось широкое поле дѣятельности: „Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Я работаю. Я всеми силами стараюсь; на меня находятъ страхъ: можетъ быть я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каеедры: много можно будетъ надѣлать добра“ (I, 268). Кіевское профессорство одно время совсѣмъ налаживалось: „Министръ, — сообщаетъ Гоголь Максимовичу 29 марта 1834 г., — мнѣ обѣщаль непременно это мѣсто и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непременно сдѣлаютъ ординарнымъ“ (I, 287). Затѣмъ, однако, вышла заминка со стороны кіевскаго попечителя Брадке, у котораго былъ другой кандидатъ на кафедру всеобщей исторіи, привлекавшую Гоголя, — харьковскій профессоръ Цыхъ. Брадке нимало не былъ противъ назначенія вообще Гоголя кіевскимъ профессоромъ: онъ только предлагалъ ему другую кафедру. Въ чрезвычайно характерномъ для выясненія вопроса о профессорствѣ Гоголя письмѣ его къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 г. читаемъ:

„Мои обстоятельства очень странны. Сергіи Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и денъги на подъемъ, однако-жь, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня—не знаю для чего—здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ, Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять кафедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщаль мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ, а теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Правдѣ, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію“ (I, 298).

Какъ мало соотвѣтствуетъ это письмо обычнымъ представленіямъ о несуразности претензій Гоголя на кафедру! Такъ какъ, при согласіи министра, все дѣло назначенія Гоголя зависѣло исключительно отъ Брадке, то Гоголю стоило только написать послѣднему, что онъ беретъ предлагаемую кафедру, и его тотчасъ же назначили бы экстраординарнымъ профессоромъ. Но для Гоголя профессорство—въ меч-

тахъ, по крайней мѣрѣ,—было всего менѣе карьерой или выходомъ изъ труднаго денежнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Опъ, вѣрно или невѣрно — это уже другой вопросъ, — считалъ себя призваннымъ для каѳедры всеобщей исторіи и только одну ее соглашается брать. Не забудемъ еще и того, что съ чисто-технической точки зрѣнія каѳедру русской исторіи было гораздо легче занимать, чѣмъ каѳедру всеобщей исторіи, для которой—въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ,—требовалось хорошее знаніе классическихъ и иностранныхъ языковъ.

Такъ-то кончились не Гоголемъ начатыя, но исключительно имъ однимъ разстроенныя хлопоты о кievской профессурѣ. Не лишне будетъ отмѣтить для характеристики тѣхъ требованій, которыя тогда предъявлялись къ кандидатамъ въ профессора, что хлопотавшій за Гоголя Максимовичъ занялъ въ кievскомъ университетѣ каѳедру словесности, а до того онъ въ московскомъ университетѣ читалъ *ботанику!*

Гоголь же чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отвергъ и третье предложеніе профессуры, хотя предлагали ему теперь не въ провинцію, а въ Москву, предлагалъ не административный дѣятель и не специалистъ по ботаникѣ, а такая крупная научная величина, какъ Погодинъ. Погодинъ въ то время читалъ всеобщую исторію, но переходилъ на русскую исторію, и Гоголя хотѣлъ устроить въ качествѣ адъюнктъ-профессора. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ (I, 305), хотя и восторженно говоритъ о томъ, что „профессорство, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе, но по причинамъ чисто-практическимъ находилъ для себя неудобнымъ перемѣщеніе въ Москву.

Предложеніе Погодина въ высшей степени важно для опроверженія ходячихъ взглядовъ на профессорскія притязанія Гоголя. Погодинъ познакомился съ Гоголемъ въ 1832 г. и сразу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. *Большая надежда, если возстановится его здоровье*“ *). Дальше идетъ все рѣчь объ историческихъ занятіяхъ Гоголя,—значить, „большая надежда“ относится къ Гоголю-историку. Съ тѣхъ поръ Погодинъ вступилъ въ тѣснѣйшую дружбу съ Гоголемъ, велъ съ нимъ оживленнѣйшую переписку, лично много говорилъ съ нимъ, наконецъ, что пожалуй, всего важнѣе въ данномъ случаѣ, внимательно читалъ нѣсколько статей Гоголя по всеобщей исторіи. Онъ, значитъ, имѣлъ ясное и опредѣленное представленіе о силахъ Гоголя. И если, тѣмъ не менѣе, онъ первый предложилъ Гоголю адъюнкство, то не смѣшны ли

*) *Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IV, 114.*

всѣ разговоры о самонадѣянности Гоголя, да еще въ виду того, что самонадѣянный-то человекъ три предложенія профессорства не принялъ. Ко всему этому можно еще прибавить, что статьи Гоголя по всеобщей исторіи печатались въ ученомъ „Журналѣ министер. народ. просв.“, что этими статьями *до назначенія Гоголя профессоромъ въ Петербургъ* интересовался ученый министръ народ. просв. Уваровъ, что Уваровъ иной разъ прямо заказывалъ Гоголю научныя статьи для „Журнала министер. народ. просв.“ (I, 301), что ученый издатель „Телескопа“, извѣстный профессоръ и критикъ Надеждинъ, очень гнался за историческими статьями Гоголя (I, 285), что о назначеніи Гоголя профессоромъ въ Петербургъ хлопоталъ, кромѣ Пушкина и Жуковского, также Никитенко. Поистинѣ печальное впечатлѣніе производитъ въ виду всѣхъ этихъ фактовъ глумящееся отношеніе въ некоторыхъ юбилейныхъ статей 1902 года къ неудачному по совсѣмъ другимъ причинамъ профессорству Гоголя. Апогея это отношеніе достигло въ статьѣ психіатра Н. Н. Баженова „Болѣзнь и смерть Гоголя“ („Русск. Мысль“, 1902, I). Какъ очень многіе спеціалисты, г. Баженовъ вообще весьма скоръ на всякіе рѣшительные выводы и обобщенія; ему, напр., достаточно прочесть въ письмѣ Гоголя жалобы на боль головы, чтобы тотчасъ же усмотрѣть тутъ типическую „неврастеническую каску“. Но по отношенію къ профессорству Гоголя г. Баженовъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ: онъ причисляетъ весь этотъ эпизодъ къ „*странностямъ почти патологическимъ*“ (стр. 143).

Такъ-то, катясь подобно лавинѣ, растетъ и принимаетъ безобразные размѣры всякое невѣрное или одностороннее мнѣніе. Впервые пренебрежительно заговорилъ въ печати о профессорствѣ Гоголя извѣстный ориенталистъ Григорьевъ въ своей нѣкогда (1856—57) столь на шумѣвшей и всѣхъ возмутившей статьѣ о Грановскомъ. Но у того были совсѣмъ особыя цѣли: обаяніе Грановскаго, обладавшаго довольно ограниченными спеціальными знаніями, поселяло самое недружелюбное отношеніе къ нему въ сердцахъ разныхъ завистливыхъ спеціалистовъ à la Григорьевъ, богатыхъ знаніями, но бѣдныхъ нравственными силами. Григорьевъ всячески старался подчеркнуть незначительность научныхъ силъ Грановскаго и тутъ-то, для характеристики уровня той научной среды, изъ которой вышелъ Грановскій, и понадобился Гоголь въ роли профессора всеобщей исторіи. И вотъ, проходя разные промежуточные фазисы, отрицательное отношеніе къ Гоголю-профессору постоянно упускало изъ виду историческую точку зрѣнія, постоянно имѣло предъ собою какъ единицу сравненія позднѣйшихъ крушнхъ историковъ нашихъ и становилось все рѣзче и рѣзче, пока, наконецъ, не пришелъ психіатръ и не усмотрѣлъ тутъ симптомъ будущей форменной душевной болѣзни Гоголя! Уже если признать стремленіе

Гоголя занять каѳедру „почти патологическою странностью“, то дадимъ только пощадѣ хлопотавшимъ за него Пушкину и Жуковскому, какъ не-специалистамъ, а затѣмъ, чтобы быть послѣдовательными, причислимъ къ полупомѣшаннымъ и Максимовича, и Никитенко ¹⁾, и Брадке, и Уварова, и особенно Погодина. Въ себѣ-то еще всякій человѣкъ ошибается, а они чего походили съ ума, да сажали на каѳедру человѣка, совершенно ея недостойнаго?

Читатель пойметъ, почему мы такъ долго останавливаемся на профессорствѣ Гоголя. Для насъ, помимо того, что хочется положить начало болѣе правильному отношенію къ одному изъ любопытныхъ эпизодовъ біографіи великаго писателя, есть тутъ другая, весьма важная сторона. Для насъ въ нашихъ стараніяхъ показать, что Гоголь былъ не только человѣкъ безсознательнаго творчества, но и писатель, вполне сознательно намѣчавшій цѣли своихъ произведеній, чрезвычайно важно выяснить, что Гоголь принадлежалъ къ высшей интеллигенціи своего времени. Это не прасоль Кольцовъ, сильный единственно природнымъ геніемъ. Пусть Гоголь и весьма малознающій ученый съ позднѣйшей точки зрѣнія, пусть насъ поражаетъ то, что человѣкъ, плоховато кончившій гимназію, черезъ два года получаетъ предложеніе занять каѳедру въ московскомъ университетѣ, а черезъ шесть, безъ всякихъ экзаменовъ и диссертаций, въ самомъ дѣлѣ становится профессоромъ. Намъ только важно показать, что въ свое-то время въ этомъ не было рѣшительно ничего экстраординарнаго и что Гоголь былъ вполне нормальнымъ кандидатомъ въ профессора. Пусть только читатель изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ удержитъ въ памяти то, что Максимовичъ, тоже безъ всякихъ экзаменовъ и диссертаций, прямо съ каѳедры ботаники былъ перемѣщенъ на каѳедру словесности, и никто насъ не упрекнетъ въ парадоксальности, если мы покажемъ (дальше мы потребуемъ большаго) поставимъ такой тезисъ: Гоголь, отвергшій три предложенія занять каѳедру, добивался затѣмъ самъ профессуры въ Петербургѣ съ научнымъ багажемъ, достаточнымъ для обычныхъ академическихъ требованій начала 30-хъ годовъ.

¹⁾ Позднѣйшее негодованіе Никитенки („Дневникъ“, I, 354—55) на Гоголя по поводу исторіи съ профессорствомъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, при своихъ скромныхъ знаніяхъ, Гоголь тѣмъ не менѣе надменно и свысока смотрѣлъ на другихъ „вялыхъ“, по его выраженію, профессоровъ. Непоколебленнымъ остается, во всякомъ случаѣ, и послѣ злой записи Никитенки тотъ фактъ, что первоначально Никитенко не только усердно хлопоталъ у попечителя о Гоголѣ, но даже старался, чтобы его назначили экстраординарнымъ профессоромъ, въ то время, какъ другіе друзья хлопотали только объ адъюнктствѣ.

Въ своей защитѣ *притязаній* Гоголя на профессорство мы, однако, не намѣрены защищать самое профессорствованіе Гоголя, длившееся больше года. Оно, несомнѣнно, было неудачно, судя по отзывамъ современниковъ. Но причины тутъ были совсѣмъ другія, и при разсмотрѣніи ихъ мы убѣждаемся, что одного приравнванія Гоголя къ типу *средняго* профессора начала 30-хъ годовъ мало, что Гоголь, по тѣмъ задачамъ, которыя себѣ ставилъ, стоялъ, несомнѣнно, выше очень многихъ изъ своихъ университетскихъ товарищей.

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые такъ сурово отпеслись къ Гоголю-профессору, имѣли бы предъ глазами 6-й томъ Тихонравовскаго изданія Гоголя (появился въ 1896 г.), гдѣ помѣщены выдержки изъ гоголевскихъ записныхъ книгъ, они бы поняли, что причина неудачнаго профессорствованія Гоголя, главнымъ образомъ, лежала въ широтѣ замысловъ его. Въ подготовительныхъ работахъ Гоголя къ будущимъ лекціямъ мы находимъ какъ программу всего курса, такъ и наброски отдѣльныхъ лекцій. А такъ какъ Гоголь вообще былъ крайне неаккуратенъ и множество лекцій пропускалъ, то можно прямо сказать, что всѣ свои лекціи Гоголь читалъ, предварительно составивъ себѣ подробнѣйшій остовъ. Это свидѣтельствуется не только о выдающейся добросовѣстности Гоголя, но и о желаніи блестяще поставить свой курсъ и ввести въ него что-нибудь новое. И это-то стремленіе и подкосило Гоголя, который, къ тому же, былъ страшно занятъ какъ разъ тогда же окончательной отдѣлкой „Ревизора“. Известно, что въ столь неблестяще сложившейся профессорской карьерѣ Гоголя было, однако, два блестящихъ момента. Одинъ изъ нихъ—вступительная лекція, появившаяся затѣмъ въ печати въ „Журн. мин. нар. просв.“ и „Арабескахъ“ („О среднихъ вѣкахъ“), другой—лекція, характеризующая эпоху арабскаго калифа Аль-Мамуна, тоже вскорѣ напечатанная (въ „Арабескахъ“). Последнюю лекцію Гоголь тщательно обработалъ, ожидая, что къ нему заглянутъ въ аудиторію Жуковскій и Пушкинъ. Они, дѣйствительно, пріѣхали. Гоголь превосходно прочиталъ свою эффектную характеристику и очаровалъ какъ своихъ высокихъ покровителей, такъ и слушателей. Такимъ образомъ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, устанавливается, что Гоголь *могъ бы* быть прямо выдающимся профессоромъ. Но, понятно, это требовало огромной работы. Читать еженедѣльно двѣ „блестящія“ лекціи такого типа, какія Гоголь прочиталъ въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, было страшно трудной задачей. Трудно не потому, однако, что тутъ требовалось особенно много специальныхъ знаній—Гоголь, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣлъ для этого достаточно источниковъ подъ руками,—а по причинамъ чисто-литературнаго свойства. Всякій, кто заглянетъ въ мало-читаемые гоголевскіе „Арабески“

и ознакомится съ характеристикой Аль-Мамуна, тотчас увидить, что это почти беллетристика, ряд картинъ и силуэтовъ чисто-художественнаго пошиба. Гоголь писалъ ее съ тѣмъ же художественнымъ обдумываніемъ и увлеченіемъ, съ какимъ писалъ почти одновременно характеристику казачества въ „Тарасъ Бульбѣ“, т. е., составляя самую тщательную мозаику изъ наиболѣе яркихъ чертъ и набрасывая одну широкую картину. Но гдѣ же было справиться съ такого рода обработкой въ короткій промежутокъ между двумя лекціями, да еще при той крайней медленности, которая вообще характеризуетъ творчество Гоголя. У него годами созрѣвали даже самыя мелкія по объему произведенія. Лекціи нельзя было высиживать годами и оттого-то Гоголь такъ быстро и осѣкся. Банально онъ не хотѣлъ читать, а читать блестяще не хватало времени.

Такъ вотъ гдѣ истинная причина того, что университетская дѣятельность страшно занятаго въ то время своими художественными замыслами Гоголя потерпѣла неудачу. А спеціальныхъ знаній, какъ мы уже сказали, у Гоголя было достаточно, чтобы прочитать курсъ, вполне удовлетворяющій скромнымъ требованіямъ того времени. Въ примѣчаніяхъ къ 6-му тому Тихонравовскаго изданія (стр. 689) напечатанъ списокъ книгъ историческаго содержанія, которыя впослѣдствіи Гоголь подарилъ другу своему А. С. Данилевскому и которыми онъ своевременно, несомнѣнно, пользовался, готовясь къ лекціямъ. Это списокъ весьма приличный. Кромѣ книгъ общаго значенія („Cours de littérature française“ Вильмена, его же „Mélanges philosophiques, historiques et littéraires“), мы находимъ тутъ „Introductions à l'histoire universelle“ Мишлэ, французскій переводъ Гердеровскихъ „Идей о философіи исторіи человечества“, „Исторію паденія римской имперіи“ Гиббона во франц. переводѣ Гизо, „Всемирную исторію“ Иоганна Миллера во франц. переводѣ, „Dix ans d'études historiques“ Огюстена Тьерри, его же „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands“ и др. Но это, однако, далеко не всѣ пособія, бывшія у Гоголя подъ рукою. Помимо книгъ на русскомъ языкѣ, напр., трудовъ Беттихера и Герена, о которыхъ Гоголь даже переписывался съ Погодинымъ, тутъ нѣтъ той прекрасной книги по исторіи среднихъ вѣковъ—Галламовской „History of Middle Age“, французскимъ переводомъ которой, какъ это показалъ Тихонравовъ, Гоголь особенно много пользовался. Слѣды знакомства съ поименованными выше книгами и другими пособіями не трудно прослѣдить какъ по напечатаннымъ историческимъ статьямъ Гоголя, гдѣ мы находимъ, напр., спеціальную характеристику исторіософическихъ взглядовъ Шлегера, Иоганна Миллера и Гердера, цитаты изъ лекцій Шлегеля и др., такъ и по ненапечатаннымъ подготовительнымъ работамъ къ универси-

тетскому курсу. Такъ, въ весьма обстоятельно составленной „Библиографіи среднихъ вѣковъ“ (т. 6, стр. 273—277 и 684—86), часть пособій названа, несомнѣнно, только по указаніямъ другихъ библиографій, но при нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сдѣланы краткія характеристики, показывающія, что Гоголь съ ними хорошо знакомъ. Это именно: „Исторія упадка римской имперіи“ Гиббона, „Исторія европейской цивилизаціи“ Гизо, „Европа въ средніе вѣка“ Галлама, первые томы средней исторіи Демишеля. Слѣды пристального знакомства Гоголя съ иностранными пособиями, которыя были доступны ему только на французскомъ языкѣ, весьма своеобразно и наглядно сказались въ томъ, что множество историческихъ именъ второстепеннаго значенія, для которыхъ еще не установилась русская транскрипція, у Гоголя встрѣчается во французскомъ произношеніи. И уже одна эта мелочь чрезвычайно ярка и характерна. Она наглядно доказываетъ, что Гоголь, несомнѣнно, вносилъ въ свое преподаваніе нѣчто свое, нѣчто такое, чего его предшественники не касались.

А теперь, когда мы бросили взглядъ въ самую лабораторію гоголевскаго профессорствованія, спросимъ себя еще разъ: такъ ли ничтожны были знанія Гоголя для *начинающаго*, двадцатипятилѣтняго лектора даже и не той эпохи? Въ первый же годъ чтенія готовить для каждой лекціи подробный конспектъ по ряду превосходныхъ пособій—это по тому времени было явленіемъ прямо изъ ряду вонъ выходящимъ.

Закончимъ нашъ экскурсъ нѣсколькими замѣчаніями о статьѣ Гоголя „О преподаваніи всеобщей исторіи“. Изъ нея, въ связи съ перепискою, мы можемъ извлечь нѣсколько чертъ, весьма цѣнныхъ для нашего утвержденія, что въ эпоху высшаго напряженія художественнаго творчества Гоголя онъ напряженно размышлялъ и надъ вопросами теоретическаго характера.

При современной спеціализаціи знанія, когда человѣкъ, проработавши цѣлую жизнь, не дерзаетъ дѣлать обобщеній далѣе одного, двухъ столѣтій, трудно удержаться отъ улыбки, когда читаешь такое опредѣленіе задачи всеобщей исторіи:

„Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалося и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всё народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму“.

Хотѣли бы мы видѣть того нанученѣйшаго историка, который взялся бы составить и преподавать курсъ по такой программѣ. Но, конечно, никто не поставитъ Гоголю въ минусъ мечты о такомъ трудѣ. Во времена Гоголя доживалъ свои послѣдніе дни, но не отжилъ, однако, совсѣмъ взглядъ на исторію какъ на „историческое искусство“, при которомъ отъ историка требовались не столько основательность разработки, сколько широта обобщеній и художественная изобразительность. Еще не отошло въ область преданій профессорствованіе поэта и медика по спеціальному образованію Шиллера, которому ученѣйшій іенскій университетъ предложилъ кафедрѣ всеобщей исторіи за „Исторію отпаденія Нидерландовъ“, съ строго-научной точки почти не имѣющую никакой цѣны и интересную только по блестящему литературному изложенію. Еще вполне свѣжо было колоссальное впечатлѣніе, произведенное исторіею Карамзина, успѣхъ которой покоился не на эрудиціи, а на художественной изобразительности и нравственно-политическомъ морализированіи. Почти десять лѣтъ спустя послѣ появленія „Плана“ Гоголя, Бѣлинскій, самъ хотя и не спеціалистъ, но всегда отражавшій кругъ представленій наиболѣе научно-образованныхъ круговъ своего времени, ставитъ историку такія же задачи (см. начало его статьи о „Россіи до Петра Великаго“).

Но если еще можно что-нибудь сказать, съ чисто-научной точки зрѣнія, противъ стремленія превратить всемірную исторію въ „поэму“, то именно въ этой „ненаучности“ нельзя не видѣть чрезвычайно благоприятнаго обстоятельства для расширенія творческаго горизонта Гоголя въ одну изъ самыхъ напряженныхъ эпохъ его духовной жизни,—въ моментъ окончательной обработки „Ревизора“. Тотчасъ по оставленіи университета, 6 декабря 1835 г., Гоголь писалъ Погодину:

„Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяць опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти годы—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня!.. Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣспой квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашавшаяся публика и проч., и проч..“ (I, 357).

Невозможно, конечно, съ полною опредѣленностью сказать, къ какой сферѣ относятся тѣ „исполненныя ужасающаго величія“ мысли, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ первостепенной важности отрывкѣ

изъ лѣтописи творчества Гоголя. Они, несомнѣнно, охватываютъ всю совокупность его душевной жизни въ эпоху профессорствованія, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть эпоха упорной работы надъ окончательной отдѣлкой „Ревизора“. Отчасти, конечно, слова Гоголя относятся къ спеціальному кругу взглядовъ его на историческую жизнь. Но несомнѣнно, что тутъ и пророческое предвидѣніе того значенія, которое предстояло получить окончательно „исторгнувшемуся“ теперь изъ творческихъ нѣдръ „Ревизору“. „Божественныя минуты“, видимо, съ одной стороны относятся къ уясненію для Гоголя судебъ челоуѣчества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ ярко и проникновенно сказала память о тѣхъ волшебныхъ посѣщеніяхъ генія, когда умственному взору Гоголя представилось во всей его силѣ значеніе великой комедіи. А „новое пробужденіе“, можетъ быть, относится къ дальнѣйшему развитію зачатыхъ ужъ тогда „Мертвыхъ душъ“.

Но опредѣленность въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Совсѣмъ не важны точныя очертанія тѣхъ мыслей, думъ и чувствъ, которыя волнуютъ писателя, важно только, чтобы онъ горѣлъ и волновался и чтобы это волненіе направляло его душевную жизнь въ одну опредѣленную сторону. Душа писателя-творца есть горнило, въ которомъ въ моменты рожденія великихъ произведеній плавится благородный металлъ таланта и горитъ святой огонь вдохновенія. Только наличность и порода плавящагося металла и имѣетъ значеніе, а уже ту или другую вполне опредѣленную форму драгоценная масса непременно приметъ. И сейчасъ приведенный рассказъ Гоголя о томъ, что происходило въ его душѣ въ годы созданія „Ревизора“, прежде всего важенъ тѣмъ, что отъ него пышетъ страшнымъ внутреннимъ огнемъ, что насъ обдаетъ тѣмъ жаромъ, въ пылу котораго выкована великая комедія. А затѣмъ мы ясно видимъ, что раздувало и поддерживало въ душѣ Гоголя творческій огонь. Не беззаботный смѣхъ, не зубоскальство, не желаніе забавить, а мысли „ужасающаго величія“ создали „веселую“ комедію. То единственно-честное лицо среди плутовъ и пошляковъ „Ревизора“, которое Гоголь впоследствии вводилъ въ объясненіе своей комедіи— авторское отношеніе,—не фраза, значить, потому придуманная. Предъ нами реальный фактъ, „волненіе“ самаго высокаго свойства наполняло душу автора въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ, которыхъ потребовало созданіе „Ревизора“.

И вотъ съ полною опредѣленностью вырисовывается картина духовной жизни Гоголя въ знаменательный періодъ соединенія въ одно неразрывное цѣлое его научной и художественной дѣятельности. Схема получается такая: въ эпоху во всякомъ случаѣ усиленныхъ историческихъ занятій, въ эпоху мечтаній создать „поэму“ всеоб-

щей исторіи, въ годы, когда Гоголю, какъ онъ писалъ Погодину, казалось, что ему суждено „сдѣлать кое-что необщее во всеобщей исторіи“ (I, 275), онъ столь же усиленно работаетъ надъ произведеніемъ, которое открываетъ собою гражданскій періодъ русской литературы. Есть ли физическая возможность, чтобы не установилось взаимодѣйствіе, когда голова и душа работали одновременно и надъ исторіей и надъ комедіей, когда утромъ или вечеромъ писалась или обдумывалась лекція, а вечеромъ или утромъ писалась или обдумывалась сцена изъ „Ревизора“. Рассказывая Погодину въ началѣ 1833 года о тѣхъ крайне знаменательныхъ (мы еще дальше къ нимъ вернемся) причинахъ, въ силу которыхъ у него не двигалась такъ и оставшаяся неоконченною злѣйшая по замыслу комедія „Владиміръ 3-ей степени“, Гоголь пишетъ:

„Итакъ, за комедію не могу приняться, а примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ кресель и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту“ (I, 245).

Если такъ тѣсно было соприкосновеніе въ 1833 году, при сочиненіи неоконченной и необязательныхъ историческихъ занятій, то что же говорить о 1835 годѣ, съ его интенсивнѣйшей работой надъ оканчиваемой комедіей и обязательными занятіями исторіей для подготовленія къ лекціямъ?

Рука объ руку шли теперь и историческія и художественныя думы Гоголя. Напряженно размышлялъ Гоголь о судьбахъ народовъ, размышлялъ всегда въ обобщающихъ и анализирующихъ очертаніяхъ, потому что собственно самое изложеніе историческихъ событій его никогда не занимало. Размышлялъ онъ также о гражданскомъ бытѣ и устройствѣ, которому вообще посвящалъ много вниманія въ своихъ историческихъ статьяхъ и подготовительныхъ наброскахъ. И въ это же самое время онъ весь горѣлъ творческимъ напряженіемъ, чтобы ярче изобразить порядки и атмосферу того города, судьбами котораго заправлялъ Сквозникъ-Дмухановскій. Мысли „ужасающаго величія“ возникали у него, когда онъ думалъ о явленіяхъ исторической жизни западно-европейскихъ и восточныхъ народовъ. Неужели же онѣ его оставляли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ къ явленіямъ русской жизни? Не забудемъ же того, что „Ревизоръ“ не есть непосредственная фотографія съ живой дѣйствительности, а одно изъ самыхъ сконцентрированныхъ синтетическихъ произведеній, гдѣ все есть обобщеніе, все есть результатъ суммированія отдѣльныхъ чертъ. Предъ нами, такимъ образомъ, моментъ общаго напряженія именно рефлектирующей стороны Гоголевскаго духа, періодъ не непосредственнаго, а глубоко-размышляющаго твор-

чества. Это-то, конечно, и сообщило веселому анекдоту, который Пушкинъ рассказалъ Гоголю, такія грандіозныя очертанія и превратило его въ потрясающую картину всего нашего общественно-государственнаго уклада.

IV.

Если Гоголь-историкъ цѣнится у насъ, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь-критикъ просто мало кому извѣстенъ. Въ обширной литературѣ о Гоголѣ эта сторона его дѣятельности почти никѣмъ не разсматривается. А, между тѣмъ, она достаточно поучительна и уже вполне безспорно обрисовываетъ Гоголя не только какъ безсознательнаго художника-творца, но и какъ литературнаго судью съ вполне опредѣленными взглядами на задачи литературной дѣятельности.

Первымъ критическимъ опытомъ Гоголя является „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, въ „Арабескахъ“. Небольшая статья теперь, конечно, никого не можетъ удивить новизною или оригинальностью мыслей. Но для своего времени и въ тотъ моментъ, когда она была написана (1833), статья была выраженіемъ серьезнаго и вдумчиваго литературнаго міросозерцанія. Въ началѣ 30-хъ годовъ слава Пушкина стала меркнуть. Публика, пораженная трескомъ и блескомъ Марлинскаго, отнеслась холодно къ той пластичной простотѣ, которая характеризуетъ творчество Пушкина во вторую, лучшую и наиболѣе зрѣлую пору его дѣятельности. Въ этотъ-то моментъ было несомнѣнно проявленіемъ мало обычной здравости вкуса, когда Гоголь напоминалъ, что „чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше надо быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное, было, между прочимъ, совершенная истина“. Съ этой точки зрѣнія онъ скорбѣлъ о томъ, что „недостаточно оцѣнены послѣднія произведенія Пушкина. Опредѣлялъ ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа“.

Наибольшій интересъ изъ критическихъ опытовъ Гоголя представляетъ появившаяся анонимно въ 1-й книгѣ Пушкинскаго „Современника“ (1836) статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ“. Свидѣтельствомъ современнаго значенія ея можетъ служить отзывъ Вѣлинскаго, который, разбирая въ „Молвѣ“ первый № „Современника“ и не зная, кому принадлежитъ статья, принялъ

ее за profession de foi новой редакціи и по ней судилъ о „духѣ и направленіи“ журнала. Передавая содержаніе статьи, Бѣлинскій считаетъ „за долгъ сказать, что всѣ эти сужденія не только изложены рѣзко, остро и ловко, но даже безпристрастно и благородно“. Послѣдніе эпитеты Бѣлинскій счелъ нужнымъ прибавить въ виду того, что „авторъ статьи не исключаетъ изъ своей опалы ни одного журнала“ „И хотя“,—прибавляетъ Бѣлинскій—„его сужденіе и о нашемъ изданіи совсѣмъ не лестно для насъ, но мы не видимъ въ немъ ни злонамѣренности, ни зависти, ни даже несправедливости“ (Бѣлинскій, Соч., по нашему изд., т. III, 4). Больше всего Бѣлинскаго привелъ въ восторгъ взглядъ статьи на назначеніе журналистики, характеристика безпринципнаго паясничества Брамбеусовской „Библиотеки для чтенія“ и продажности „Свв. Пчелы“. И это, дѣйствительно, лучшая часть статьи. Правда, тутъ не все могло казаться новымъ. Такъ, напр., Бѣлинскій совершенно справедливо говорилъ: „О Библиотекѣ для чтенія“ высказаны истины „рѣзкія и горькія для нея, но уже извѣстныя и многими еще прежде сказанныя“. Между прочимъ, самимъ Бѣлинскимъ еще въ концѣ 1834 г. въ „Литературнымъ мечтаніяхъ“ была сдѣлана Брамбеусу страстная отповѣдь, въ которую молодой критикъ вложилъ всю силу присущей ему способности возмущаться пошлостью и безпринципностью. Если мы, тѣмъ не менѣе, ставимъ Гоголю въ особую заслугу протестъ противъ имѣвшей огромнѣйшій успѣхъ „Библиотеки“, то потому, что въ частной перепискѣ Гоголь давнымъ давно возсталъ противъ „брамбеусины“, какъ онъ выразился въ письмѣ къ Погодину (I, 273). Въ печати, и при томъ въ очень смягченной формѣ, Гоголь выразилъ свое негодованіе только въ 1836 году въ разбираемой теперь статьѣ. Но въ письмѣ къ Погодину отъ 11 января 1834 г. все это было высказано тотчасъ послѣ выхода первой же, столь поразившей публику, книжки „Библиотеки для чтенія“:

„... подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской „Библиотеки“. Кстати о „Библиотекѣ“. Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забуддыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однако-жь, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулен, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: „Ссынь, какъ хорошо пишетъ“. Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашнего хозяйства“ (I, 273).

По этой удивительно-мѣткой характеристикѣ успѣха Брамбеуса-Сенковскаго можно подуматъ, что Гоголь хотя и очень быстро и

чутко, но все-таки отразилъ мнѣніе кружковъ, „стоящихъ выше Брамбеусины“. Но въ дѣйствительности, однако, Гоголю безусловно принадлежитъ честь перваго опредѣленія литературной цѣны этого столь важнаго литературнаго явленія тридцатыхъ годовъ. Уже 20 февраля 1833 г., за годъ до выхода „Библиотеки“, когда Брамбеусъ и имени никакого не имѣлъ, Гоголь писалъ Погодину:

„Читалъ ли ты Смирдинское „Новоселье“? Для меня оно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего“ (I, 246).

Въ этой прозорливости нельзя не усмотрѣть весьма тонкаго пониманія особенностей своего собственнаго творчества. Дѣло въ томъ, что Брамбеусъ до извѣстной степени писалъ въ томъ же стилѣ, какъ и самъ Гоголь. На грубый вкусъ у нихъ было много общаго. Та же „забавность“, то же остроуміе, которое къ тому же, какъ ни относиться строго къ Брамбеусу, было у него не заурядное, тѣ же, наконецъ, экскурсы въ сферы, для представителей литературной чопорности казавшіяся „грязью“. Благодаря этой внѣшней близости, получалась возможность для людей, неспособныхъ отличать золото отъ мишуры, смѣшивать обоихъ „забавныхъ“ писателей. И ихъ смѣшивали не разъ даже люди, безконечно преклонявшіеся предъ Гоголемъ. Почтенная Марья Ивановна Гоголь, безграничное благоговѣніе которой предъ талантами сына доходило до величайшихъ курьезовъ, прямо въ ярость приводила его, приписывая ему нѣкоторыя повѣсти Брамбеуса (I, 293), казавшіяся ей, какъ и всей провинціи, верхомъ ядовитаго остроумія. Но Гоголь-то съ перваго момента появленія Брамбеуса понялъ всю глубину бездны, ихъ отдѣляющей, все безграничное несходство внутреннихъ побужденій. Онъ, „копавшійся въ грязи“, чтобы показать, какіе перлы таятся на днѣ ея и чтобы сквозь эту грязь провести людей къ свѣту, онъ, „забавляя“ своихъ читателей, ни на одну минуту не разстававшійся съ тоскою по совершенству, не могъ не отнестись съ истиннымъ омерзеніемъ къ чисто-клоунаскому барахтанію въ грязи Брамбеуса, сознательно спекулировавшаго на возбужденіе низменныхъ инстинктовъ. Оттого-то онъ и вострепнулся такъ, и нельзя объяснить его отношенія къ Брамбеусу однимъ чувствомъ досады. Тутъ замѣчательна искренность и сила презрѣнія. Извѣстно изъ жизни самыхъ великихъ писателей, что подъ вліяніемъ очень шумнаго успѣха въ нихъ зарождалось желаніе подражать вещамъ, безусловно ниже стоящимъ ихъ собственныхъ произведеній? Кому, напр., придетъ въ умъ сопоставлять геніальныя въ своей правдивой простотѣ повѣсти Пушкина съ фейерверочнымъ романтизмомъ повѣстей Марлинскаго? Однако, Пушкинъ далеко не

сознавалъ этого превосходства и съ извѣстнымъ чувствомъ не личной, а именно творческой зависти приглядывался къ огромному впечатлѣнію, которое производила эффектная напыщенность Марлинскаго, и кое въ чемъ подражалъ ему. И вотъ почему мы въ глубочайшемъ и искреннѣйшемъ презрѣніи, именно презрѣніи и ни мало не зависти, Гоголя къ модному Брамбеусу не можемъ не усмотрѣть доказательства полного и яснаго разумѣнія свойствъ своего собственнаго творчества.

Отношеніе Гоголя къ модному Брамбеусу, убійственная характеристика сильной своимъ вліяніемъ на среднюю публику „Сѣв. Пчелы“ и мѣткое приравниваніе дававшего всѣмъ свое имя Греча къ „почтеннымъ пожилымъ людямъ“, которыхъ приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы“ были выраженіемъ тонкаго вкуса Гоголя и умѣнья его понимать литературныя индивидуальности. Но въ этой же статьѣ Гоголь проявилъ и высокія общія представленія о литературной дѣятельности. Главный упрекъ, съ которымъ онъ обращался къ „Библиотекѣ для чтенія“ было отсутствіе у Брамбеусовскаго журнала „цѣли“. Разказавъ, какъ блестяще была поставлена Смирдинымъ въ журналѣ издательская часть, какъ много даетъ журналъ своимъ подписчикамъ литературнаго матеріала, какъ много было привлечено хорошихъ писателей, критикъ считаетъ, однако, все это недостаточнымъ:

„Никто не позаботился,—говоритъ онъ,—о весьма важномъ вопросѣ „долженъ-ли журналъ имѣть какой-нибудь опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или онъ долженъ быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній, всѣхъ толковъ, составить какую-то разнохарактерную ярмонку, гдѣ каждый хлопочетъ о своемъ“ (стр. 331).

„Какая цѣль была редактора этого журнала?—спрашиваетъ опять Гоголь черезъ нѣсколько страницъ.—Какой начерталъ себѣ путь журналъ, что такое избралъ онъ девизомъ, какая свѣтлая мысль, какое доброе, радушное, увлекающее слово скажетъ онъ на воспитаніе всеобщее молодого и великаго нашего отечества“ (стр. 331).

А еще черезъ нѣсколько строкъ у Гоголя вырывается удивительно характерная для него тирада:

„Прочитавши всѣ статьи, помѣщенные въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ (Сенковскимъ), невольно остановишься въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка, когда его не мучило ни одно желаніе сказать еще неслезанное свѣту“ (стр. 332).

Въ этихъ словахъ весь Гоголь съ его литературнымъ страданіемъ, съ его страстнымъ стремленіемъ выразить всю полноту своей души, которое подъ конецъ жизни только приняло трагическіе размѣры, но глубоко сидѣло въ немъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ. А во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мы уже видимъ ясныя очертанія того пророчески-высокаго взгляда

на задачи писателя, который иной разъ приводилъ къ недостаточно объективно комментируемому у насъ „высокомѣрїю“ Гоголя, по которое на самомъ дѣлѣ были только естественнымъ отраженіемъ и великаго его генія и огромнаго значенія, пріобрѣтеннаго русскою литературою.

Требованіе „увлекающаго“ и „несказаннаго свѣту“ слова „на воспитаніе молодого и великаго нашего отечества“ до такой степени составляло святую святыхъ Гоголя, что онъ, видимо, не захотѣлъ даже до поры до времени выступать съ нимъ передъ публикою. Онъ какъ будто еще стѣснялся провозглашать лозунгъ, который невольно навелъ на мысль, что самъ-то авторъ говоритъ слово и „увлекающее“ къ добру и еще „несказанное свѣту“. Въ печать эти лирическія мѣста его статьи не попали. Мы цитировали не по тексту, который явился въ „Современникѣ“ и потомъ перепечатывался въ собраніяхъ сочиненій Гоголя, а по черновымъ наброскамъ, впервые напечатаннымъ въ VI томѣ Тихонравовскаго (X-го) изданія. Для печати самъ Гоголь, который всегда былъ возвышенъ въ первыхъ своихъ порывахъ, но далеко не всегда оставался на высотѣ этихъ порывовъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, многое сгладилъ, смягчилъ и обезличилъ. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выдержкахъ предъ нами отрывки изъ задушевнаго дневника, возгласы, вытекшіе изъ того же самого настроенія, которое сказалось въ одномъ изъ первыхъ же петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, гдѣ онъ мечталъ „разсѣивать благо и работать на пользу міру“ (I, 124).

Экскурсія Гоголя въ область критики не ограничиваются статьями о Пушкинѣ и движеніи журнальной литературы. Онъ позднѣе не разъ высказывался по литературнымъ вопросамъ. Но мы этого теперь не станемъ касаться, потому что насъ покамѣстъ интересуеть интеллектуальный міръ Гоголя въ эпоху созданія перваго великаго гражданскаго произведенія его — „Ревизора“.

Какъ самое появленіе статьи Гоголя въ казовой книжкѣ пушкинскаго „Современника“, такъ и самое содержаніе бойкаго, остроумнаго и благороднаго отпора литературной пошлости и безпринципности произвели, несомнѣнно, большое впечатлѣніе на лучшую часть публики. Дѣлая къ ней кое-какія дополненія, одинъ изъ читателей „Современника“ — А. Б. (Безсоновъ) въ „Письмѣ къ издателю“, напечатанному въ 3-ей книжкѣ журнала, между прочимъ, говоритъ: „Статья о движеніи журнальной литературы по справедливости обратила на себя общее вниманіе“. Если къ этому присоединить восторги Бѣлинскаго, то едва ли будетъ надобность дальше останавливаться на доказательствахъ того, что статья выдвигаетъ Гоголя въ первые ряды мыслящихъ людей своего времени. Предъ нами уже совер-

шенно бесспорно не только бессознательно творящій художникъ, но и тонкій представитель рефлексіи. Прибавимъ только еще одинъ чрезвычайно знаменательный фактъ. Въ своемъ дневникѣ Пушкинъ 7 апрѣля 1834 г. сдѣлалъ такую запись:

„Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“ (Соч., изд. Литературнаго Фонда, т. V, 205).

Изъ этой затѣи ничего не вышло. Пока Гоголь не попалъ на настоящій путь, пока огромное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, не укрѣпило его окончательно въ сознаніи своихъ великихъ силъ, онъ кидался въ разныя стороны и былъ занятъ планами самыхъ разнообразныхъ нехудожественныхъ предпріятій: то затѣввалъ исторію Малороссіи и печаталъ въ газетахъ просьбы о присылкѣ ему матеріаловъ, то собирался „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ и т. д. Послѣ „Ревизора“ всѣ эти затѣи разсѣялись, какъ дымъ, и Гоголь даже не вспоминалъ о своихъ многочисленныхъ проектахъ. Не вернулся онъ и къ исторіи русской критики. Но отъ этого самый фактъ пушкинскаго предложенія не теряетъ своей знаменательности. Какого высокаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ мыслящемъ человѣкѣ, долженъ былъ быть Пушкинъ, съ его тончайшимъ вкусомъ и разностороннею образованностью, чтобы предложить молодому писателю такую сложную и отвѣтственную литературно-критическую задачу,

V.

Переходя отъ Гоголя-историка и Гоголя-критика къ Гоголю—творцу „Ревизора“ и вопросу о степени сознательности этого великаго литературно-гражданскаго подвига, считаемъ очень поучительнымъ вспомнить тутъ исторію происхожденія другого великаго литературно-гражданскаго подвига—тургеневскихъ „Записокъ Охотника“.

Мы, съ одной стороны, знаемъ изъ собственныхъ показаній творца ихъ, что „Записки Охотника“ были исполненіемъ „Аннибаловской клятвы“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ, которую авторъ далъ себѣ подъ совокупнымъ вліяніемъ знакомства съ европейскою жизнью, просвѣтительныхъ идей кружка Бѣлипскаго и ужасныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родительскаго дома. Но, съ другой стороны, знаемъ мы и вотъ что. Въ концѣ 1846 года, когда „Современникъ“ переходилъ въ руки новаго литературнаго поколѣнія, Панаевъ обратился къ Тургеневу съ просьбой дать что-нибудь для

первой книжки преобразованнаго журнала. У Тургенева ничего „серьезнаго“ въ портфель не оказалось. Но валялся у него маленькій „пустячекъ“, который онъ и предложилъ Панаеву. Панаевъ радъ былъ и пустячку; однако, соотвѣтственно безхитроственному типу очерка, помѣстилъ его не въ отдѣлъ заправской беллетристики, а засунулъ въ отдѣлъ „Смѣси“. А чтобы окончательно обезоружить какія бы то ни было строгія требованія, Панаевъ къ скромному и безъ того заглавію очерка „Хорь и Калинычъ“ прибавилъ еще подзаглавіе (Изъ записокъ охотника). Этимъ всякія требованія уже окончательно устранялись: чего же и ждать отъ мимолетныхъ впечатлѣній охотника.

Публика оказалась проникательнѣе и автора и редактора. Ударивъ въ нервъ времени, отвѣтивъ потребности лучшихъ сердецъ ласково отнестись къ закрѣпощенному народу, „Хорь и Калинычъ“ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Успѣхъ окрылилъ начинавшаго охлаждать къ своей литературной дѣятельности Тургенева, онъ въ томъ же тонѣ одинъ за другимъ пишетъ рядъ такихъ же очерковъ, которые вмѣстѣ взятые и были блистательнымъ исполненіемъ клятвы. Однако, какъ ни ясны были свойства успѣха очерковъ, значеніе „Записокъ охотника“ не сразу выяснилось въ полной мѣрѣ. Великій литературный прозорливецъ Бѣлинскій видѣлъ въ Тургеневѣ не больше, какъ писателя Далевскаго типа. И въ то же время какъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже стоящій „Антонъ Горемыка“ Григоровича произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, появившіеся при его жизни превосходные первые очерки „Записокъ Охотника“, сравнительно, тронули его мало. Окончательно значеніе „Записокъ Охотника“ установилось позже.

Разсказанный эпизодъ въ высшей степени характеренъ и вводитъ вопросъ о сознательности творчества въ надлежащія границы. Если бы мы не знали, что „Записки Охотника“ представляютъ собою исполненіе клятвы, мы бы имѣли тутъ яркое подтвержденіе извѣстнаго уже намъ мнѣнія Бѣлинскаго, что творчество гениевъ вообще и Гоголя въ частности идетъ путемъ безсознательнымъ. Но такъ какъ мы знаемъ совершенно точно, что „Записки Охотника“—это единственно *гениальное* произведеніе въ ряду просто первоклассныхъ произведеній Тургенева—имѣли своимъ источникомъ совершенно определенное намѣреніе, выводъ получается иной. Мы убѣждаемся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда данная мысль и данное настроеніе насквозь, органически проникаютъ писателя, когда эта мысль и это настроеніе сложились въ душѣ писателя совершенно ясно и отчетливо, то нѣтъ того „пустячка“, въ которомъ все это не сказалось бы въ полной силѣ. И достаточно самаго виѣшняго повода, какимъ по

отношенію къ Тургеневу былъ успѣхъ перваго очерка, чтобы вдохновеніе забило ключемъ и вывело бы на свѣтъ Божій все скопившееся на днѣ творческой души настроеніе.

И вотъ такое-то *органическое* проникновеніе можно вполнѣ прослѣдить въ „Ревизорѣ“. Если Гоголь даже и не предвидѣлъ всѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ его комедій,—какъ не предвидѣлъ и Тургеневъ широкихъ выводовъ изъ скромнаго „Хоря и Калиныча“,—то все-таки, несомнѣнно можно установить, что ни одна деталь въ „Ревизорѣ“ не выскочила случайно. Всѣ части картины находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми вполнѣ опредѣленными взглядами на отдѣльныя стороны и явленія русской жизни, которые сложились у Гоголя въ эпоху созданія комедіи. Переписка намъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе, что злая и беспощадная картина зародилась въ моментъ, когда Гоголь, по собственному знаменательному опредѣленію, чувствовалъ въ себѣ особенный приливъ „правды и злости“.

„Правда и злость“ были заложены въ самый фундаментъ всего нравственнаго существа Гоголя и съ дѣтскихъ лѣтъ составляли самую яркую особенность великаго меланхолика.

Уже въ 18 лѣтъ, вспоминая „прошлое“, онъ пишетъ своему другу Высоцкому: „Съ *первоначальнаго* нашего здѣсь (Нѣжинѣ) пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы *осмѣивали ихъ*“ (I, 55). Съ годами, по мѣрѣ того какъ расширялся умственный горизонтъ Гоголя, росла въ немъ и опредѣленность отрицательнаго отношенія къ окружающей обстановкѣ, и къ эпохѣ созданія „Ревизора“ Гоголь былъ „консерваторомъ“ самаго страннаго сорта. Безусловный теоретическій поклонникъ существующаго уклада общественно-государственной жизни, рассматриваемаго какъ цѣлое, онъ къ каждой ея детали относился безусловно отрицательно. Достаточно для этого прослѣдить его отношенія къ отдѣльнымъ сословіямъ. Не стоитъ, конечно, сколько-нибудь подробно останавливаться на томъ, какъ относился Гоголь къ чиновничеству: слишкомъ уже связано въ умѣ cadaго читателя имя великаго сатирика съ бичеваніемъ чиновническихъ злоупотребленій и бездушія. Но интересно будетъ отмѣтить ту глубину презрѣнія, которую питаетъ Гоголь къ чиновничеству и которая рѣзко отдѣляетъ его отъ другихъ писателей, до него бичевавшихъ взяточничество, на примѣръ, Капниста. Для Гоголя чиновникъ не злодѣй, а пошлякъ и ничтожество по преимуществу. Чтобы хронологически не отходить отъ „Ревизора“, вспомнимъ написанное въ 1833 году „Утро дѣловаго человѣка“. Тутъ нѣтъ „бичеванія“, а все насквозь пропитано какимъ-то безграничнымъ презрѣніемъ, желаніемъ выяснитъ полное

ничтожество человека, занимающего очень видный постъ, хотя всѣ его таланты заключаются въ умѣніи слѣдить за каллиграфіей идущихъ къ министру бумагъ. И это общая черта почти всѣхъ чиновниковъ Гоголя: въ нихъ нѣтъ даже простой дѣловитости, они только и умѣютъ, что чваниться, кричать на подчиненныхъ, да самымъ грубымъ и элементарнымъ образомъ брать взятки. За исключеніемъ „весьма, по своему, не глупаго“ городичаго, въ огромной галлерей гоголевскихъ чиновниковъ и администраторовъ нѣтъ ни одного, которому можно было бы сдѣлать такой сомнительный комплиментъ, что онъ тонкій мошенникъ или хоть и „бестія“ и „шельма“, но „умная“.

Тѣмъ же безграничнымъ пренебреженіемъ проникнуто отношеніе Гоголя къ сословію, которое въ огромномъ большинствѣ его современниковъ почти не возбуждало къ себѣ критическаго отношенія. Мы говоримъ о военныхъ. Для декабриста Марлинскаго, для Лермонтова съ его „горечью и злостью“, съ понятіемъ „офицеръ“ почти всегда связано представленіе о чемъ-то во всякомъ случаѣ молодомъ, свѣжемъ, а сплошь да рядомъ блестящемъ и увлекательномъ. Для Гоголя же офицеръ всегда какой-то синонимъ глупости и пошлости, а часто кое-чего и похуже. Самый типичный изъ военныхъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Гоголя эпохи „Ревизора“,—поручикъ Пироговъ не обладаетъ даже самую элементарною добродѣтелью своего сословія—онъ не храбръ и въ дѣлахъ „чести“ весьма покладистъ. Если „перекидываніе карточками“ принимаетъ трагическій характеръ, то уже тутъ непременно на сценѣ военный и даже не малаго чина. Хлестакова на станціи „срѣзалъ“ на штосѣ пѣхотный капитанъ, а „господинъ майоръ“ въ первоначальномъ наброскѣ „Коляски“—*оъ печати это исчезло*—прямо и рекомендованъ авторомъ какъ „страшный шулеръ“ (X-ое изд. подъ ред. Тихонравова, т. VI, 374). Не удивительно при такомъ отношеніи, что сообщеніе Максимовичу о томъ, что на открытіе Александровской колонны съѣхалось много военныхъ, у него вылилось въ такой иѣжной формѣ: „Офицеры и солдатства страшное множество. Говядина и водка вздорозали страшно“ (I, 321).

Отношеніе Гоголя къ высшимъ сословіямъ, хотя и не могло сказаться въ печати въ полной мѣрѣ, все же таки достаточно опредѣленно. Косвенно оно сказалось тѣмъ, что въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя иѣтъ и тѣни того инстинктивнаго преклопенія предъ большимъ свѣтомъ, которое такъ ярко чувствуется даже у Пушкина и Лермонтова, несмотря на громы негодованія противъ великосвѣтской пустоты, ничтожества и бездушія. Негодуютъ противъ чего-то сильнаго. А для Гоголя свѣтскость всегда была сино-

нимомъ жеманничанія и ломанія и, вышутивъ великосвѣтскость второго разбора въ лицѣ губернской аристократіи „Мертвыхъ душъ“, онъ нигдѣ не противопоставилъ ей „настоящую“ великосвѣтскость, какъ это дѣлаетъ и Лермонтовъ, и Марлинскій, и Сологубъ. Для Гоголя даже не существовала „поэзія бала“, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ: вспомнимъ опять „Мертвыя души“, гдѣ балъ у губернатора описывается съ тѣмъ же подсмѣиваніемъ и хихиканіемъ, какъ вечеринка у сослуживцевъ Акакія Акакіевича. Но всѣ эти косвенныя указанія, однако, совершенно блѣднѣютъ предъ категоричностью той общей формулировки, которую Гоголь даетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года. Рѣчь идетъ о будущей драмѣ Погодина „Борисъ Годуновъ“:

„Если вы хотите непременно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой фізіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непременно были смѣшны. *Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А доказательство въ наше время*“ (I, 236).

Отношеніе Гоголя къ буржуазіи того времени—купечеству, въ которомъ и тогда уже находили множество „истинно-русскихъ“ добродѣтелей, превосходитъ всякую мѣру презрѣнія. Гоголевскіе купцы это уже исключительно мошенники, лишеныя образа человѣческаго, съ богатѣйшими изъ которыхъ никто иначе не разговариваетъ какъ на *ты*, и при этомъ прямо въ лицо называя ворами.

Отношеніе Гоголя къ народу составляетъ великій грѣхъ его. На крѣпостного мужика онъ смотритъ какъ на неопрятнаго, глупаго скота, которому не слѣдуетъ давать ни малѣйшей потачки, и „отлыниваніе“ мужика отъ работы на барина Гоголь самымъ искреннимъ образомъ считалъ преступленіемъ со стороны мужика и проявленіемъ заслуживающей всякаго порицанія „нехозяйственности“ со стороны барина. Но мы теперь этой стороны общественныхъ идеаловъ Гоголя не станемъ касаться и пойдемъ къ нему не какъ къ теоретику, а какъ къ *наблюдателю*. И тогда выясняется слѣдующее. Всю жизнь Гоголь, дѣйствительно, оставался человѣкомъ, который ни разу не усомнился въ необходимости и нормальности крѣпостного права. Это безспорно. Но по основнымъ качествамъ своего дарованія не способный отступать отъ жизненной правды, Гоголь въ эпоху расцвѣта своего таланта никогда не идеализировалъ крѣпостной дѣйствительности. Никогда онъ, подобно другимъ теоретикамъ крѣпостного права, не рисовалъ идилліи народно-крѣпостного быта, и крестьянскаго довольства вы у него не найдете. Кромѣ имѣнія Коробочки,

почти все остальные мужики „Мертвыхъ душъ“ въ самомъ жалкомъ положеніи. Пусть все это приводится въ тѣснѣйшую связь съ помѣщичьей безпечностью и пусть на покосившуюся крестьянскую избу Гоголь смотритъ съ тѣмъ же укоромъ нерадивому помѣщику, съ какимъ мы смотримъ на скверный хлѣвъ, уменьшающій выгоды молочнаго хозяйства. Самый фактъ, однако, остается во всей своей неприкосновенности, и въ ту мозаичную картину, въ которую кусочками мы вставляемъ отношеніе Гоголя къ отдѣльнымъ сторонамъ русской жизни, благоденствіе крѣпостного мужика никоимъ образомъ не входитъ. И не слѣдуетъ при этомъ думать, что сознаніе народной бѣдности безсознательно жило въ творческой душѣ Гоголя просто какъ картина, которую онъ затѣмъ и воплощалъ въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ. Въ изданныхъ только въ 1896 году гоголевскихъ отрывкахъ и наброскахъ мы наткнулись на чрезвычайно любопытную рецензію, предназначенную для Пушкинскаго „Современника“ 1836 г., но въ печать не попавшую. Можетъ быть, потому, что онъ служилъ когда-то въ департаментѣ удѣловъ, Гоголь взялся написать рецензію о книгѣ „Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній 1832 и 1833 гг.“ и здѣсь разсуждаетъ о причинахъ „младенческаго состоянія“ русскаго земледѣлія. Виноватъ, главнымъ образомъ, мужикъ:

„Что такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ густой хлѣвъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдаленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ,—и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живого, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. *Возьмите жизнь земледѣльца — скверна и вредна.* У него пища однообразна: ржаной хлѣвъ и щи,—однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи“ (X-ое изд., т. VI, 364).

Какъ ни отнестись по существу къ нападкамъ на мужика за то, что „у него нѣтъ никакой потребности наслажденія“, знаменательно тутъ ясное и отчетливое представленіе, что жизнь мужика „скверна и вредна“. Въ печати эта яркая формула, нѣтъ сомнѣнія, совершенно бы обезцвѣтилась, но теперь она во всей неприкосновенности выразила представленія автора о житьѣ-бытьѣ крѣпостной массы.

Итакъ, вотъ та общая картина, которая слагается изъ отдѣльныхъ представленій „консервативнаго“ автора „Ревизора“ объ отдѣльныхъ элементахъ современнаго ему общественно-государственнаго уклада; жизнь народа „скверна и вредна“, купцы—свошныя вору, чиновники

и судьи—продажны и ничтожны, военное сословіе пошло и лишено нравственныхъ основъ, высшіе классы „смѣшны и глупы“. Къ этому остается прибавить выходки противъ „глупой цензуры“ (I, 338) и сѣтованія на людей „недальнаго ума“, которыхъ „у насъ не мало на первыхъ мѣстахъ“ (I, 270—271).

Мы предвидимъ возраженіе, что подобранныя нами изъ разныхъ мѣстъ отдѣльныя отрицательныя воззрѣнія Гоголя на отдѣльныя явленія русской жизни составляютъ, все же, не больше, какъ мозаику. Можетъ быть, отдѣльные куски этой мозаики, хотя и однородные, только механически прилажены и нѣтъ въ нихъ широкаго, органически-цѣльнаго размаха одной и той же кисти? Можетъ быть, приступая къ комедіи, Гоголь просто выводитъ одно лицо за другимъ, а общій мрачный колоритъ созданъ самъ собою отъ постоянного мельканія передъ глазами отдѣльныхъ темныхъ фигуръ?

Тутъ всего проще было бы отвѣтить собственнымъ заявленіемъ Гоголя въ „Авторской исповѣди“ (1848):

„Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ (раннихъ) я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что, дѣйствительно, достойно осмѣянна всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣми“.

Если бы Бѣлинскому было извѣстно это категорическое заявленіе, онъ, надо думать, не сталъ бы такъ категорически утверждать, что Гоголь творилъ безсознательно. Но и намъ, однако, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрное значеніе категоричности гоголевскаго заявленія. Черезъ долгій промежутокъ многое кажется намъ гораздо болѣе цѣльнымъ и стройнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Несравненно цѣннѣе поэтому вполнѣ точныя современныя данныя о настроеніи, изъ котораго вышелъ „Ревизоръ“. Эти данныя связаны съ исторіей неоконченной комедіи Гоголя „Владиміръ 3-й степени“.

„Владиміръ 3-ей степени“ мало кому извѣстенъ подъ своимъ первоначальнымъ именемъ. Но всякій, конечно, знаетъ поразительное по своей ядовитости „Утро дѣловаго человѣка“, которое вмѣстѣ съ „Лакейскою“, „Тяжбою“ и „Отрывкомъ“ составляютъ уцѣлѣвшіе обломки комедіи, либо сожженной Гоголемъ, либо вовсе имъ не оконченной. Гоголь страшно былъ занятъ своею комедіею весь конецъ 1832 и большую часть 1833 года. Послушаемъ его собственный рассказъ о томъ, что творилось тогда въ его душѣ. 20 февраля 1833 г. онъ объясняетъ Погодину, почему не двигается начатое имъ историко-географическое сочиненіе „Земля и люди“.

„Чортъ побори пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ *жажду современной славы*. *Вся глубина души такъ и рвется наружу*. И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ; я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написано на бѣлой толстой тетради „Владиміръ 3-й степени“, и *сколько злости, смѣха и соли!*.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ *такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ*. А что изъ того, когда пѣса не будетъ играть: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. *На что комедія безъ правды и злости*“ (I, 205).

Послѣдняя фраза, столь замѣчательная по силѣ сказавшагося въ ней сконцентрированнаго творческаго настроенія, имѣетъ, конечно, первостепенное значеніе не только для исторіи „Владиміра 3-ей степени“. Какъ великолѣпна формула—„чтѣ комедія безъ правды и злости!“ Наравнѣ съ „незримыми слезами сквозь видимый міру смѣхъ“ она даетъ ключъ для уразумѣнія всей сущности Гоголевскаго творчества и совершенно непонятно, почему до сихъ поръ это удивительно мѣткое самоопредѣленіе не стало крылатымъ. Въ частности по отношенію къ „Ревизору“, Гоголевская формула имѣетъ не только критическое, но и непосредственное, генетическое значеніе, потому что, не закончивъ „Владиміра 3-й степени“, Гоголь *немедленно* принимается за „Ревизора“. „Ревизоръ“ въ 1836 году только появился на сценѣ, но какъ всѣ Гоголевскія произведенія задуманъ задолго до того. Въ срединѣ 1834 года уже почти была готова вся первоначальная редакція „Ревизора“. А такъ какъ эта редакція, уступая позднѣйшей въ отдѣлкѣ чисто-художественной, гораздо рѣзче въ своихъ обличительныхъ стремленіяхъ ¹⁾, то совершенно ясно, что въ замыслѣ „Ревизора“ сказалось все настроеніе „Владиміра 3-й степени“, весь приливъ „правды и злости“, охватившей тогда Гоголя. Потерявъ надежду выразить его въ одной комедіи, онъ ухватывается за анекдотъ, рассказанный ему Пушкинымъ въ концѣ 1833 года, не оставъ еще отъ „Владиміра“, тотчасъ берется за „Ревизора“, и одно и то же настроеніе отливается только въ новую форму, оставаясь по существу тѣмъ же самымъ.

1) Это сравненіе еще не сдѣлано въ критической литературѣ о Гоголѣ и, чтобы не быть бездоказательными, приведемъ нѣсколько образчиковъ.

Въ первой сценѣ городничій читаетъ письмо Чмыхова: „Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшники потому что ты че-

Таковъ моментъ зарожденія „Ревизора“. Предъ нами опредѣленное, цѣльное, ясное настроеніе, и теперь исторія происхожденія великой комедіи, извѣстная намъ изъ „Авторской исповѣди“, можетъ считаться вполне вѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ. Гоголь, такимъ образомъ, создавая „Ревизора“, не только опредѣленно и обдуманно относился къ каждой детали, не только сознательно собиралъ здѣсь „все дурное въ Россіи“, не только весь горѣлъ „правдою и злостью“, но даже опредѣленно зналъ, что его „правда“ нецензурна, жаловался всѣмъ друзьямъ на безвыходность своего положенія, такъ что Пушкинъ справляется о „Владимірѣ 3-ей степени“ въ такой формѣ: „Кланяюсь Гоголю; что его комедія, въ ней же *закорючка?*“

Дальше уже, конечно, никакая сознательность идти не можетъ, и потому высокое гражданское значеніе „Ревизора“ дѣлаетъ и автора его писателемъ-гражданиномъ по преимуществу.

VI.

Огромное и ярко-опредѣленное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, кладетъ, во всякомъ случаѣ, конецъ какимъ бы то ни было разговорамъ о бессознательности творчества во *вторую* половину литературной дѣятельности Гоголя. Если даже допустить возможность, что Гоголь раньше не вѣдалъ, что творилъ, что какимъ-то образомъ вся „злость и правда“, которую „цензура не пропуститъ“ дѣйствовали въ немъ стихійно, то уже теперь объ этомъ физически не можетъ быть

ловѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ (*остановясь*), ну здѣсь свои“...

Въ первоначальной редакціи это мѣсто гораздо рѣзче и послѣ словъ „плыветъ въ руки“ читаемъ: „То я совѣтую тебѣ взять предосторожность и *удержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь взносы со стороны просителей и непросителей*“.

Во второй сценѣ второй редакціи городничій въ разговорѣ съ почтмейстеромъ какъ-бы лично придумываетъ остроумный способъ письма „этакъ немножко распечатать и прочитатъ, не содержится-ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если-же нѣтъ, то можно опять запечатать“. А изъ первой редакціи мы узнаемъ, что не одинъ городничій додумался до этого средства; послѣ словъ „опять запечатать“ первый набросокъ прибавляетъ: „*Для этого есть разныя илліанія формы*“.

Въ этомъ родѣ всѣ отличія первой редакціи отъ второй, менѣе вызывающей и рѣзкой.

рѣчи. Потрясающее впечатлѣніе перваго же представленія „Ревизора“ (19 апр. 1836 г.) не оставляло никакихъ сомнѣній ни относительно силы взмаха сатирическаго бича, ни относительно того, противъ чего онъ былъ направленъ. Иные усмотрѣли тутъ только „глупую ффарсу“, какъ аттестовалъ пьесу Никитенкѣ графъ Канкринъ („Дневникъ“, т. I, стр. 369). Но большинство поняло, что рѣчь идетъ не только о томъ захоласть, отъ котораго хотъ три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. Присутствовавшій на представленіи императоръ Николай сказалъ: „Всѣмъ досталось, а больше всего мнѣ“. Черезъ 10 дней послѣ перваго представленія Гоголь пишетъ Щепкину: „Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея“ (I, 369).

Это, какъ ему казалось, „общее“ осужденіе на первыхъ порахъ какъ будто подѣйствовало на Гоголя угнетающимъ образомъ. По разсказу Анненкова, Гоголь прямо изъ театра пріѣхалъ къ своему закадычному другу, поэту Н. Я. Прокоповичу, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, и все время былъ раздраженъ и разстроенъ до крайности. Когда Прокоповичъ со словами: „Полюбуйтесь на сынка“ поднесъ ему только что вышедшій экземпляръ „Ревизора“, Гоголь швырнулъ книгу на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него руками, задумчиво сказалъ: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“... (Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. I, стр. 193). Письма, относящіяся къ апрѣлю, маю и июню 1836 года полны глубокой тоски, и Гоголь во „всеобщемъ“ ожесточеніи, вызванномъ „Ревизоромъ“, видитъ угрозу всей своей будущей литературной дѣятельности. „Столица щеколиво оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы: меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда загораютъ мои соотечественники“ (I, 377).

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ угнетеннаго состоянія Гоголя было его бѣгство за границу. Его звали въ Москву, гдѣ его ждала блестящая постановка „Ревизора“ и восторженная любовь московскихъ друзей—Аксаковыхъ, Погодина, Щепкина, но онъ отъ всего

отказывается. „Чувствую, — пишетъ онъ Погодину, — что теперь не доставить мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ёду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“ (I, 370).

Одновременно съ тоской, письма Гоголя эпохи первой постановки „Ревизора“ полны того, что при первомъ взглядѣ можно было бы счесть отказомъ отъ болѣе глубокаго толкованія, которое дало великой комедіи начинавшее пробуждаться общественное самосознаніе. Гоголь прилагаетъ не малыя старанія къ тому, чтобы ослабить обобщающіе выводы, возможность которыхъ съ необычайною чуткостью тотчасъ же предугадали Булгаринъ съ братіею. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ извѣщаетъ Погодина о своемъ рѣшеніи ѣхать за границу, чтобы „размыкать тоску“, онъ говоритъ съ горечью, которая можетъ служить не малою опорой для теоріи безсознательности творчества Гоголя: „Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ *ложно*, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. *Частное принимать за общее, случай за правило*“ (I, 371). Черезъ нѣсколько дней онъ опять возвращается къ нападкамъ Булгарина, котораго на этотъ разъ угодничество сдѣлало прозорливымъ критикомъ: „Грустно, когда видишь, что *глупѣйшее* мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ: грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!“ И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ *настоящемъ* видѣ“ (I, 377).

Было бы, однако же, очень грубою ошибкою думать, что подавленность, вызванная враждебнымъ отношеніемъ вліятельной части публики была сколько-нибудь глубока. Вся эта подавленность и тоска были исключительно виѣшнія. Въ глубинѣ души страшный шумъ, возбужденный „Ревизоромъ“, при всей своей враждебности, чрезвычайно высоко поднялъ внутреннее самосознаніе Гоголя. Оно было велико и до того. Уже въ самыхъ раннихъ письмахъ своихъ Гоголь не разъ высказываетъ убѣжденіе, что ему предстоитъ что-то очень большое

въ жизни. Крупный успѣхъ, выпавшій на его долю почти съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, укрѣпилъ его въ этой увѣренности и даже сообщилъ его поведенію налетъ надменности. Въ значительной степени извѣстное враждебное чувство, которое къ нему питали даже такіе представители новыхъ литературныхъ началъ, какъ Никитенко, было вызвано тѣмъ, что во всемъ его существѣ сквозило очень уже большое мнѣніе о себѣ. Но теперь самосознаніе Гоголя начинаетъ принимать размѣры совершенно исключительные. Оно выразилось прежде всего въ обычной ему религіозной формѣ: „Нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой“ (I. 378), безъ всякихъ оговорокъ говорить онъ Погодину въ концѣ письма, гдѣ разсказаны „оскорбленія и непріятности“, связанные съ „Ревизоромъ“. А въ чисто литературномъ отношеніи оно сказалось необыкновеннымъ приливомъ творческой увѣренности. Уже въ первомъ письмѣ (къ Жуковскому) изъ-за границы, отъ 28—16 іюня 1836 г. онъ говоритъ о себѣ: „Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человекъ. *Львиную силу чувствую въ душѣ своей*“ (I, 384).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ безграничная увѣренность Гоголя въ своихъ силахъ все растетъ и растетъ, такъ что въ общемъ всего меньше можетъ идти рѣчь о подавленности. Совсѣмъ наоборотъ, любители пріурочить Гоголя къ области психіатріи могутъ въ его разившемся именно послѣ „Ревизора“ необыкновенно высокомъ представленіи о своемъ призваніи найти весьма благодарный матеріалъ для утвержденія, что имъ овладѣла настоящая манія величія. Но это уже другая сторона вопроса, которой удобнѣе коснуться въ связи съ настроеніемъ Гоголя въ эпоху подготовленія „Переписки съ друзьями“.

Безконечно, однако, важнѣе и характернѣе вызваннаго „Ревизоромъ“ повышеннаго самознанія Гоголя это то, что меньше всего измѣнилось послѣ яростныхъ нападеній Булгарина и К^о рѣзко-обличительное направленіе Гоголя, съ такою силою сказавшееся въ комедіи. „Мертвыя души“ показываютъ, что крики „зажигатель“, „буштовщикъ“ оказались совершенно бессильными отклонить Гоголя съ того пути, на который его направляли основныя свойства таланта. Еще съ несравненно большею силою ополчается онъ теперь противъ темныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Единство направленія и тона „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ глубоко знаменательны. Если вообще всякое долготѣнее творческое единство свидѣтельствуетъ объ органичности настроенія, о томъ, что оно вытекло изъ цѣльнаго душевнаго склада, то въ данномъ случаѣ

оно еще несравненно характернѣе, потому что крики, поднявшіеся по поводу „Ревизора“, заставили Гоголя пристально заняться свойствами своего дарованія. Прямо и опредѣленно объясняетъ онъ Погдину цѣль своей заграничной поѣздки:

„Бѣду разгулять свою тоску, *глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія*“ (I, 378).

И это всего менѣе была фраза. Какъ ни подойти къ заявленію разстроеннаго враждебными криками автора „Ревизора“, нельзя не видѣть въ немъ вполнѣ реальнаго желанія углубиться въ самого себя. При томъ недовѣріи къ искренности Гоголя, которое было даже у лучшихъ друзей его, можно, конечно, скептически отнестись къ высокопарной оболочкѣ рѣшенія „обдумать свои обязанности авторскія“. Но даже при этомъ невысокомъ мнѣніи о Гоголѣ, при убѣжденіи, что онъ будто бы всегда былъ себѣ на умѣ, никто уже не станетъ спорить, по крайней мѣрѣ, противъ того, что Гоголь стремился тутъ наилучшимъ образомъ устроить свои литературныя дѣла. Даже съ узко-практической точки зрѣнія Гоголю надо было обдумать свои будущія творенія, чтобы опять не натолкнуться на такой пріемъ, какой встрѣтилъ „Ревизоръ“. И если тѣмъ не менѣе Гоголь пошелъ по старому пути, то, значить, уже слишкомъ ясно чувствовалъ, что не можетъ онъ свернуть на другой путь. Какъ ни „обдумывалъ“ онъ свои „авторскія обязанности“ и свои „будущія творенія“, а въ результатѣ явились „Мертвыя души“ съ ихъ сокрушающимъ отрицаніемъ, явилась „Шинель“, гдѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, потому что тутъ не только разрушена и сметена старая нечисть, но и данъ свѣтлый лозунгъ всей новѣйшей русской литературѣ съ ея борьбой за униженныхъ и оскорбленныхъ.

Но самымъ яркимъ и рѣшающимъ доказательствомъ того, что рѣшеніе „обдумать свои авторскія обязанности“ не есть громкая фраза, сказанная для красоты слога, является „Театральный разъѣздъ“, который начатъ былъ въ годъ постановки „Ревизора“ и появился только въ 1842 г., одновременно съ „Мертвыми душами“. Онъ, значить, обдумывался, разрабатывался и, по Гоголевскому обыкновенію, десятки разъ передѣлывался въ то же самое время, когда зрѣла, писалась и тоже на разные лады выправлялась и обсуждалась въ творческомъ настроеніи Гоголя великая „поэма“.

„Театральный разъѣздъ“ не только принадлежитъ къ числу самыхъ подробныхъ анализовъ „Ревизора“, но вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлымъ трактатомъ о задачахъ комедіи вообще и комедіи общественной въ частности. Въ десяткахъ лицъ, проходящихъ предъ читателемъ либо съ какой-нибудь яркой фразой, либо съ подробнымъ изложеніемъ своего міросозерцанія, выражены всѣ мнѣнія и всѣ толки,

возбужденные комедіей. Отъ лицъ, на которыхъ она просто никакого впечатлѣніе не произвела и „беззаботныхъ на счетъ литературы“ въ такой степени, что пьеса кажется имъ переводомъ съ французскаго, до тѣхъ, которые настолько прозорливы, что полагаютъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ“, Гоголь не оставилъ безъ возраженія и разсмотрѣнія ни одного изъ высказанныхъ въ печати или носившихся въ воздухѣ мнѣній о „Ревизорѣ“. Долголѣтняя работа надъ каждой фразой сдѣлала „Театральный разъѣздъ“ произведеніемъ удивительно сконцентрированнымъ и обдуманымъ, гдѣ каждая строчка имѣетъ значеніе, гдѣ ни одного слова не сказано спроста.

По этой совершенно изъ ряду вонъ выходящей обстоятельности самоанализа и самокритики, „Театральный разъѣздъ“ не имѣетъ ничего аналогичнаго себѣ въ жизни другихъ литературныхъ корифеевъ. Правда, рѣдко кому изъ творцовъ тѣхъ произведеній, которыя ударили по сердцамъ съ невѣдомою силою, не приходилось въ той или другой формѣ отражать или предупреждать всевозможныя нападенія и недоумѣнія. И Лермонтовъ въ предисловіи къ „Герою нашего времени“ давалъ извѣстнаго рода комментарій къ своему роману, и Тургеневъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ довольно пространно объяснялъ истинный смыслъ „Отцовъ и дѣтей“, и Толстой писалъ „Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ“. Въ западно-европейской литературѣ еще больше примѣровъ такого одновременнаго выступленія художниковъ въ роли не только творцовъ, но и критиковъ и полемистовъ—вспомнимъ хотя бы знаменитое предисловіе Виктора Гюго къ „Кромвелю“. Но кромѣ Шиллеровскихъ „Писемъ о Донъ-Карлосѣ“ нѣтъ, кажется, въ литературѣ ни одного такого поразительно-детальнаго самоанализа, какъ „Театральный разъѣздъ“. И все-таки объ авторѣ его говорятъ какъ о представителѣ творчества чисто-стихійнаго и бессознательнаго! Да уже просто въ силу того, что Гоголь былъ ужасно и самолюбивъ, и честолюбивъ, и вѣчно носился со своею особою, не могъ онъ себя не изучить до тонкости!

Только этимъ постояннымъ размышленіемъ надъ особенностями своего творчества можно объяснить себѣ, что никто изъ нашихъ писателей не далъ такихъ яркихъ самоопредѣленій, какъ Гоголь. Лучшія формулировки гоголевскаго творчества созданы имъ же самимъ. Кто какъ не онъ исчерпалъ всю сущность „Мертвыхъ душъ“, закончивъ первую часть великой поэмы глубоко-выстрадавшими словами о „незримыхъ слезахъ сквозь видимый міру смѣхъ“? Онъ же намъ рассказалъ въ своихъ письмахъ, что не представляетъ себѣ комедіи „безъ правды и злости“, а въ „Театральномъ разъѣздѣ“ разъяснилъ, что среди плутовъ „Ревизора“ есть одно честное лицо—авторскій „честный смѣхъ“. Наконецъ, онъ же въ „Шинели“ поясе-

нилъ памъ, что и забытый Акакій Акакіевичъ „братъ нашъ“ и отошли въ глубокомъ размышленіи отъ Акакія Акакіевича потѣшавшіеся надъ нимъ сослуживцы, а читатели поняли, что дана формула безконечной глубины и сказано слово, чреватое огромными литературными и общественно-моральными послѣдствіями.

И всѣ самоопредѣленія Гоголя стали крылатыми. Много сотенъ статей написано о творествѣ Гоголя. Но возьмите даже самыя лучшія, самыя блестящія изъ нихъ—ни одна не идетъ дальше и глубже этихъ всѣмъ набившихъ оскомину, вошедшихъ во всѣ учебники, но вѣчно-юныхъ по своей непреложности формулъ. Просмотрите все то, что подписывается подъ гоголевскими памятниками, бюстами, портретами, прислушайтесь ко всему тому, что говорится при тѣхъ чествованіяхъ Гоголя, когда приходится быть краткимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ, и вы опять-таки не уйдете дальше гоголевскихъ самоопредѣленій, къ которымъ развѣ еще присоединяются нѣкоторыя варіаціи на эти же самыя, однако, формулы, вродѣ изреченія изъ Іереміи: „Горькимъ смѣхомъ посмѣюся“ и т. д. Такимъ образомъ, якобы безсознательно творившій писатель получилъ такую власть надъ своими оцѣнками, которую не имѣетъ ни одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ теорія безсознательнаго творчества никогда не примѣнялась. Выходитъ, что никто въ такой мѣрѣ не достигъ высшаго проявленія анализирующей мудрости—познать самого себя, какъ, именно, Гоголь.

И достаточно сравнить замѣчательную точность гоголевскихъ самоопредѣленій съ самоопредѣленіями другихъ, не менѣе его великихъ писателей-творцовъ, чтобы оцѣнить ихъ значеніе и понять, почему они получали такую власть надъ критикою. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы Пушкинскій „Памятникъ“, писанный, когда и самому Пушкину и читающей публикѣ казалось, что все литературное поприще его пройдено, когда открывалась широкая перспектива на всю творческую жизнь. И какъ тутъ все-таки мало опредѣленно очерчена литературная фізіономія великаго поэта. Конечно, вполнѣ оправдались пророчества, что не „заростетъ народная трона“ къ его памятнику, что „душа въ завѣтной лирѣ“ переживетъ его „прахъ и тлѣнья убѣжитъ“, что „слухъ“ о поэтѣ „пройдетъ по всей Руси великой“ и что „назоветъ“ его „всякъ сущій въ ней языкъ“. Но, вѣдь, это все только опредѣленіе размѣровъ творческаго генія, а никакъ не свойствъ его. Когда же дошло до указанія того, чѣмъ именно будетъ славенъ „въ подлунномъ мірѣ“ поэтъ, получились такіе блѣдныя и не характерныя контуры, что просто смѣшно и сравнивать съ вылитыми изъ бронзы рѣзкими чертами самоопредѣленій Гоголя

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Кто согласится съ этою странною характеристикою? Люди самага противоположнаго образа мыслей ее будутъ оспаривать. Ни „мыслящій реалистъ“ Писаревъ, ни его антиподы—эстетики чистой воды не усмотрятъ центра тяжести дѣятельности Пушкина въ возбужденіи „добрыхъ чувствъ“; возславленіе свободы слишкомъ мимолетный эпизодъ въ жизни автора „Клеветникамъ Россіи“; призываніе милости къ падшимъ — это уже скорѣе эпизодъ изъ частной жизни поэта. Словомъ, все не ярко, не характерно. Не удивительно, что это самоопредѣленіе не оказало никакого вліянія на судьбу Пушкина въ критикѣ и потомствѣ. И какъ же не оцѣнить послѣ этого силу и опредѣленность гоголевскаго самопознанія.

По власти надъ своими будущими оцѣнками, наравнѣ съ Гоголемъ, можно поставить только Некрасова, который, какъ сказалъ про свою музу, что она „муза мести и печали“, такъ тоже навсегда далъ опредѣленіе, дальше котораго не пошла вся послѣдующая критика. Но вѣдь Некрасовъ не только не безсознательный поэтъ, но даже „идейный“, а по мнѣнію иныхъ и „тенденціозный“, т. е. представитель творчества, гдѣ разсудочность граничитъ съ прямою програмностью.

Чтобы покончить съ невѣрнымъ въ корнѣ взглядомъ на безсознательность творчества Гоголя, скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной детали, въ которой, повидимому, надо искать главный источникъ возникновенія этого взгляда. Мы уже знаемъ, что зародился онъ у Бѣлинскаго тотчасъ послѣ появленія реакціонной „Переписки съ друзьями“, поддерживала его позднѣйшая критика тоже въ силу противорѣчія между глубоко пессимистическимъ отношеніемъ Гоголя-художника къ бюрократическому механизму государственнаго уклада нашего и его теоретической преданностью существующему строю во всей его совокупности.

Но смущаться этимъ противорѣчіемъ и думать, что оно можетъ отнять отъ Гоголя право называться писателемъ-гражданиномъ—значитъ терять историческую точку зрѣнія. Для насъ, начиная съ конца 40-хъ гг., когда идеи европейскаго демократизма и жажда общественной инициативы всецѣло завладѣли лучшими сердцами, со словами „гражданскій“, „гражданственность“, „гражданинъ“ связано понятіе о чемъ-то—скажемъ для удобства—*общественно-самодовольствующемъ*, о чемъ-то непременно противоположномъ всему власти имущему, о чемъ-то оппозиціонномъ. Но эта безусловно-позднѣйшая точка зрѣнія никоимъ образомъ не должна прилагаться къ жалкому состоянію

„общества“, когда его наблюдалъ Гоголь. До сороковыхъ годовъ элементы прогресса всего менѣе заключались въ общественномъ сознаниіи. Не будемъ даже уходить въ особенно отдаленную старину, не будемъ придавать значенія тому, какъ „общество“ при Аннѣ Иоанновнѣ оказало рѣшительное противодѣйствіе стремленію верхovenниковъ удѣлить часть власти представителямъ этого „общества“; не станемъ останавливаться также на томъ, какъ въ эпоху „Наказа“ и расцвѣта просвѣщеннаго абсолютизма „общество“ оказывало рѣшительное сопротивленіе всякому намеку на освобожденіе крестьянъ; наконецъ, отнесемъ къ старинѣ даже то, что великій писатель и литературный реформаторъ Карамзинъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ добровольнымъ желаніемъ Александра I уменьшить свою власть въ пользу „общества“. Ограничимся только ближайшею къ Гоголю полосой созданія „Горя отъ ума“. Въ рѣзко-гражданской окраскѣ великой комедіи-старинны никто не сомнѣвается. Но противъ чего и кого направленъ ея паѳосъ? Исключительно противъ „общества“ въ защиту тѣхъ единичныхъ личностей, стремленія которыхъ шли въ разрѣзъ съ *общественнымъ* застоємъ. Чего-нибудь „протестующаго“ въ позднѣйшемъ смыслѣ въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ и слѣда.

И вотъ гражданственность Гоголя совершенно аналогичнаго характера, въ ней нѣтъ ничего оппозиціоннаго, потому что въ то время надо было еще *бороться съ самимъ обществомъ*, потому что оно, съ одной стороны, состояло изъ казнокрадовъ и торговцевъ правосудіемъ, а съ другой—изъ ихъ закадычныхъ друзей, Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Собакевичей и Маниловыхъ. Для Гоголя, слѣдовательно, понятіе объ „обществѣ“ никакъ не могло имѣть того обаянія, которое оно имѣетъ для позднѣйшихъ поколѣній, и не въ немъ онъ искалъ спасенія Россіи. Чернышевскій весьма тонко и язвительно говорилъ о странной идеѣ, положенной въ основаніе сюжета „Ревизора“, которая уже сама въ себѣ заключаетъ нѣчто аномальное, потому что въ нормально-устроенномъ государственномъ быту есть гласный общественный контроль, исключающій и дѣлающій ненужнымъ посылку тайныхъ ревизоровъ. Но Чернышевскій исходилъ изъ теоріи, изъ того, что должно быть, а Гоголь былъ великій реалистъ, и для него смѣшно было бы и представить себѣ „общественный контроль“, то есть, что Добчинскій, Бобчинскій и Ростиковскій будутъ контролировать Сквозника-Дмухановскаго и кума Бобчинскаго Тяпкина-Ляпкина. Онъ, несомнѣнно, ждалъ спасенія и исцѣленія общественныхъ ранъ отъ добраго желанія власти.

Но онъ ли одинъ ждалъ его изъ этого источника?

Да возьмемте того же Бѣлинскаго, который такъ напустился на

Гоголя за „Переписку“ и возьмемте его даже не въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, не около 1840 года, когда его прославленіе „разумной дѣйствительности“ было поистинѣ бѣшенное, а въ 1846—48 гг., когда онъ „рассейскую дѣйствительность“ называлъ не иначе, какъ „гнусной“, когда онъ уже былъ пламеннымъ социалистомъ и даже фурьеристомъ. Въ концѣ 1846 года въ Петербургѣ разнеслись крайне преувеличенные слухи о томъ весьма мирномъ, по существу, Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, благодаря которому пострадали Костомаровъ, Кулишъ и особенно Шевченко, сосланный солдатомъ въ Оренбургъ. Бѣлинскій отнесся къ нимъ съ полнымъ порицаніемъ, называлъ ихъ „врагами всякаго успѣха“, потому что, какъ Гоголь, ждалъ этого „успѣха“ только отъ доброй воли власти. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Бѣлинскій написалъ Анненкову письмо, въ которомъ съ восторгомъ сообщаетъ о разныхъ намѣчавшихся тогда подготовительныхъ шагахъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, предается радостнымъ ожиданіямъ и только одного смертельно боится, чтобы келейно вызванные въ Петербургъ представители основного элемента тогдашняго „общества“—дворяне своимъ корыстнымъ отношеніемъ къ вопросу не испортили настроенія власти. Такъ, если подобнымъ образомъ, къ „обществу“ относился социалистъ и фурьеристъ Бѣлинскій, съ какой стати будемъ мы требовать иного отношенія отъ Гоголя? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе исторической жизни разсматривать въ условіяхъ того времени, къ которому оно относится. Гоголь былъ, несомнѣнно, представитель теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, его идеаломъ былъ благонамѣренный не въ пошломъ смыслѣ „государственный“ мужъ, окружающій себя честными чиновниками. Но это не мѣшаетъ ему быть и гражданиномъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы уже выше опредѣлили понятіе о гражданинѣ, т. е. человѣкомъ упорно, страстно и вполнѣ *независимо* думающемъ о благѣ родины. Подчеркиваемъ *независимо*, потому что въ эпоху, когда пошлая „благонамѣренность“ требовала розовыхъ красокъ, когда по всеѣмъ вѣдомствамъ безраздѣльно господствовала формула „все обстоитъ благополучно“, Гоголь (прибавимъ къ числу извѣстныхъ намъ и это новое яркое самоопредѣленіе изъ „Театральнаго развѣзда“) смѣло обнажалъ „общественныя раны“. Мало того: когда „господинъ В.“ задаетъ вопросъ: „Зачѣмъ выставять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія“, Гоголь, устами „господина Б.“, не обинуясь отвѣчаетъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ *лазаретъ*, гдѣ предстали предъ нимъ во всеѣмъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни“. Вотъ, значитъ, чѣмъ и притомъ вполнѣ со-

знательно была для Гоголя официальная Россія—лазаретомъ! Это ли не независимость въ самомъ вышемъ смыслѣ и можно ли идти дальше въ гражданской рѣзкости діагноза? Не будемъ же ложно понимать въ Гоголѣ то, что шокируетъ позднѣйшую гражданскую щепетильность и будемъ оцѣнивать высоту его гражданской скорби не по степени нашего разногласія съ нимъ, а по степени того, въ чемъ мы съ нимъ сходимся. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ еще не было у насъ въ литературѣ даже самого дѣленія на партіи съ различными общественно-политическими лозунгами. Все это возникаетъ только во второй половинѣ 40-хъ годовъ, о чемъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь въ связи съ „Перепискою съ друзьями“.

VII.

Около 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась „Переписка съ друзьями“, и все еще она служитъ предметомъ самыхъ страстныхъ споровъ, все еще она не стала предметомъ спокойнаго, объективнаго анализа. До сихъ поръ ее либо считают „оклеветанной“ и тычутъ намъ ее въ поученіе и руководство, либо безповоротно и безъ всякихъ оговорокъ осуждаютъ, исходя изъ того, увы, далеко еще не изжитаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго создано знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Менѣе всего, конечно, выдерживаетъ какую то ни было критику взглядъ на „Переписку“, какъ на „оклеветанную книгу“—любимый терминъ защитниковъ того обскурантизма, который даже добродушнаго Сергѣя Аксакова побудилъ считать книгу „вредной“. Думается, что эту квинтъ-эссенцію всяческой отсталости и „оклеветать“-то трудно, если указывать при этомъ наиболѣе характерныя мѣста книги. Трудно даже и полемизировать спокойно съ этою „оклеветанною книгою“ и можно только всецѣло слиться въ одномъ чувствѣ съ Бѣлинскимъ, когда онъ, задыхаясь отъ страшнаго негодованія, истерически крикнулъ Гоголю въ своемъ письмѣ: „Проповѣдникъ кнута, апостоль невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете!“

Чтобы не только понять, но вполне оправдать бѣшенную выходку Бѣлинскаго, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, нашла откликъ во всѣхъ мыслящихъ умахъ и бьющихся за благо родины сердцахъ, мы

должны вспомнить эпоху появленія гоголевской „Переписки“—начало 1847 года. Годы 1846, 1847 и начала 1848—были временемъ совершенно исключительнымъ по тому необыкновенному приливу радостныхъ ожиданій чего-то бесконечно-свѣтлаго, которое тогда охватило всю Европу. По извѣстному свидѣтельству Щедрина, „изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сень-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *въра въ* *человѣчество*; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

Какъ намъ пришлось уже разъ сказать въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ „не борьба классовъ“, а *человѣчество*, не политическая экономія, а *въра* и эта *въра* воспріята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она возсіяла. Въ политическую экономію Луи Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ-Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи „золотого вѣка“, то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній.

И вотъ въ такой-то моментъ почти религіознаго экстаза появляется книга великаго писателя, которымъ до того всѣ бредили, которымъ клялись въ борьбѣ съ литературнымъ старовѣрствомъ, и эта книга зоветъ даже не въ Византію, а куда-то еще подальше. Авторъ не остался глухъ къ голосу времени, онъ правильно констатируетъ, что „сталь слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя“; вполне правильно отмѣчаетъ онъ также, что „всѣмъ, накопецъ, начиная становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвела насъ наша новѣйшая гражданственность“. Но въ чемъ выходъ? Можно было бы, конечно, причислить просто къ числу курьезовъ то, что, по мнѣнію Гоголя, „страждущіе и болѣющіе отъ своего европейскаго совершенства“ получаютъ исцѣленіе отъ ожидавшагося тогда появленія „Одиссеи“ въ переводѣ Жуковскаго! Но Гоголь не ограничился простымъ упованіемъ, что вмѣстѣ съ „Одиссеей“, „многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которымъ есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу русской земли“. Кромѣ этой „благоухающей поэзіи“, онъ цѣнилъ „Одиссею“, какъ изображеніе борьбы съ „непокорною, жестокою, несклонною къ повиненію природою“ чело́вѣка, и главное средство этой борьбы видѣлъ „въ одномъ

только простомъ исполненіи обычаевъ старины и обрядовъ, которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну“.

Борьба съ нежеланіемъ чловѣка „повиноваться“ дала окраску всей книгѣ и въ ней центръ тяжести того подавляющаго впечатлѣнія, которое она произвела на современниковъ, какъ разъ теперь размечтавшихся пожить немного и на свободѣ. И это разногласіе съ радостно-рвущимся впередъ духомъ времени рѣшило участь книги, въ которой далеко не все, однако, зоветъ назадъ и есть мысли, какъ мы увидимъ дальше, нимало не противорѣчащія самымъ лучшимъ завѣтамъ истинной гражданственности. Но во всякой проповѣди условія момента, когда она произносится, всегда имѣютъ болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ само содержаніе проповѣди и ея слова, взятая безотносительно. Строго говоря, дурныхъ словъ совсѣмъ и нѣтъ на свѣтѣ. Что, напримѣръ, можетъ быть возвышеннѣе проповѣди самоотреченія? Но она превращается въ насмѣшку надъ чловѣческимъ достоинствомъ. и въ отвратительное лицемѣріе, когда самоотреченіе рекомендуютъ рабу. Что можетъ быть идеальнѣе самообузданія животныхъ инстинктовъ? Но если вы объ умѣренности начнете говорить голодающему, какое впечатлѣніе должна произвести на него сама по себѣ весьма высокая мораль ваша?

„Переписка“, взятая въ основномъ своемъ впечатлѣніи, въ тонѣ, который дѣлаетъ музыку, и была такою проповѣдью воздержанія голодающему. Все изнемогало отъ безправія и произвола, закрѣпощенный народъ нравственно вырождался отъ сковавшей его по рукамъ и ногамъ неволи, литература стонала отъ болѣзненной подозрительности Красовскихъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ, а тутъ все еще оказывается недостаточно „повиновенія“. „Переписка“ хотѣла отнять даже священное чувство обиды, не позволяла даже стонать отъ той „неправды черной“, которою была полна жизнь того времени даже по свидѣтельству друга Гоголя Хомякова и его самого въ его художественныхъ произведеніяхъ. И вотъ, въ виду такой—будемъ выражаться мягко—крайней неумѣстности, крайней несвоевременности гоголевской проповѣди смиренія, въ виду глубокаго несоотвѣтствія ея съ дѣйствительно назрѣвшей потребностью обновленія, свѣта и движенія впередъ столь смѣшны стремленія разсматривать „Переписку“ самое по себѣ, внѣ времени и пространства. „Клевету“, взведенную на „Переписку“ можно было бы опровергнуть только однимъ путемъ: если бы кто-нибудь указалъ на благотворное, современное появленію книги воздѣйствіе ея на людей искреннихъ, не заинтересованныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ въ томъ смиреніи, которое книга возводила въ главную добродѣтель

человѣка. Но именно этого живого голоса эпохи ни одному изъ защитниковъ „Переписки“ не добыть, потому что на всѣхъ, для кого благо родины не было пустымъ звукомъ и обдѣлываніемъ житейскихъ дѣлишекъ, книга произвела болѣзненное впечатлѣніе. Письмо Бѣлинскаго оттого и получило такую потрясающую силу, что его устами говорило сознание, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, всего того, что въ Россіи честно мыслило. Это не „партійная“ фразы, это можно доказать нижеприведеннымъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго никто не рѣшится оспаривать, потому что оно вышло изъ среды, враждебной Бѣлинскому—оно принадлежитъ Ивану Аксакову. Уже самый фактъ небывало-широкаго распространенія письма Бѣлинскаго глубоко-характеренъ и показываетъ, что въ данномъ случаѣ общественное сознание было настолько взволновано, что нашло пути проявиться даже при невозможно-тяжелыхъ условіяхъ общественной жизни того времени. Письмо Бѣлинскаго совершенно неожиданно стало первымъ политическимъ памфлетомъ въ Россіи. Не имѣя никакого представленія о томъ, что его частный отвѣтъ получить такую небывалую огласку, не имѣя и самаго отдаленнаго представленія о томъ, что вырвавшіяся въ пылу гнѣва слова его станутъ лозунгомъ, общественно-политическою программой, Бѣлинскій писалъ письмо со всѣмъ страстнымъ порывомъ своего великаго сердца и далъ полную волю всему тому пламенному негодованію, которое не могло получить и приблизительнаго выраженія въ его печатной полемикѣ съ „Перепискою“. Такимъ образомъ, общественно-политическая отсталость „Переписки“ получила отпоръ въ полной силѣ. Создалась борьба двухъ міросозерцаній, въ которой были на сторонѣ Бѣлинскаго не то, что „либералы“, а просто всѣ искренніе и порядочные люди. Вотъ что наблюдалъ еще цѣлыхъ шесть—семь лѣтъ спустя Аксаковъ:

„Много я ѣздилъ по Россіи,—пишетъ онъ,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди воючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназій въ губернскихъ городахъ, *который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю*; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы *Бѣлинскому* обязаны своимъ спасеніемъ, — говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ,—въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны,—взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ.

Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборникомъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать бользнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя*, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*“.

То есть, читателями и поклонниками именно его письма къ Гоголю, потому что сочиненія Бѣлинскаго тогда еще не были собраны и были разбросаны по сотнѣ №№ старыхъ журналовъ.

Это вышедшее изъ враждебнаго лагеря свидѣтельство имѣетъ рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ не только потому, что достовѣрность его нельзя ничѣмъ заподозрѣть, а потому еще, что оно выводитъ вопросъ изъ области партійныхъ споровъ и переноситъ его на чисто-житейскую почву. Если бы у новѣйшихъ защитниковъ „Переписки“ было бы столько же искренняго желанія добиться истины, сколько у Аксакова, они бы прежде всего признали, что защищать Гоголевскую „Переписку“, какъ *явленіе времени*, нѣтъ никакой возможности и, слѣдовательно, не можетъ идти никакой рѣчи о какой бы то ни было „клеветѣ“. Общій тонъ и *практическіе выводы* изъ „Переписки“ таковы, что не только „борцы“, не только люди съ ярко-окрашеннымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ, а всѣ въ самомъ простомъ и непосредственномъ смыслѣ слова „честные“ люди всецѣло присоединились къ „клеветѣ“ Бѣлинскаго.

Но то же самое желаніе истины, къ которому мы сейчасъ апеллировали, должно насъ заставитьъ признать, что и безусловное, не знающее никакихъ оговорокъ осужденіе „Переписки“ не будетъ выраженіемъ полной справедливости. Книга ужасна какъ явленіе русской общественности, какъ призывъ возвращенія вспять, въ глубь средневѣковья, къ отжившимъ понятіямъ и пройденнымъ фазисамъ культуры. Но нельзя, однако, забывать и того, что она была и крикомъ глубоко-изстрадавшей души. А такой источникъ, если не всегда, конечно, спасаетъ отъ фальши, не можетъ же не заключать въ себѣ и примѣси чего-то вѣрнаго. Во всякомъ искреннемъ стремленіи всегда кроется и залогъ достиженія чего-то хорошаго и нравственно-цѣннаго. Примемъ во вниманіе также, что „Переписку“ защищаютъ не только люди, къ истинѣ весьма равнодушные. О ней сказалъ доброе слово и Левъ Толстой. Можно было бы, конечно, при всемъ преклоненіи предъ Толстымъ, не придавать этому рѣшительно никакого значенія, если бы дѣло шло о чисто-литературномъ произведеніи. Эстетическія сужденія Толстого весьма часто таковы, что только руками разведешь. Изъ его трактата объ искусствѣ мы узнаемъ,

что онъ на представленіи „Гамлета“ краснѣлъ за автора и что вообще преклоненіе предъ Шекспиромъ, какъ и предъ Бетховеномъ и Рафаэлемъ, ему кажется предразсудкомъ и даже притворствомъ. Но „Переписка“—произведеніе изъ области морали, и тутъ уже дѣло идетъ о психологическомъ чутьѣ, котораго такъ безконечно много у великаго чтеца въ сердцахъ человѣческихъ. Толстой, значить, почувствовалъ тутъ что-то родственное. Извѣстно, что когда въ концѣ 70-хъ гг. Толстой вступилъ на стезю проповѣдничества и еще неясно было во что отольются его мистическіе порывы, его даже постоянно сближали съ Гоголемъ. Дальнѣйшее показало, что сближенія и опасенія были напрасны. Но все-таки несомнѣнно, что въ самомъ источникѣ, въ этой страстной потребности обоихъ великихъ писателей отъ искусства перейти въ область религіозно-нравственныхъ вопросовъ есть, дѣйствительно, очень много такого, что сближаетъ Толстого съ Гоголемъ. И вотъ почему думается, что тѣ обскурантскіе выводы, къ которымъ Гоголь пришелъ въ результатѣ своихъ думъ и размышленій, тѣ рецепты леченія общественныхъ ранъ, которые привели въ содроганіе Бѣлинскаго и его лучшихъ современниковъ, должны быть признаны ошибками ума, слѣдствіемъ того, что, созерцая картину русской жизни изъ своего „прекраснаго далека“, Гоголь потерялъ чутье дѣйствительности, но не ошибками сердца.

При такой постановкѣ, особенное значеніе получаетъ вопросъ объ искренности „Переписки“, для современниковъ ея появленія весьма спорный. Многое содѣйствовало тому, чтобы отнестись подозрительно къ мотивамъ появленія въ свѣтъ книги. Даже на людей одного съ Гоголемъ міросозерцанія отталкивающе подѣйствовало чрезмерное обиліе явно преувеличеннаго смиренія. Съ одной стороны—безграничное самобичеваніе, увѣренія въ родѣ того, что „миѣ хотѣлось симъ (письмами) искупить бесполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго“; „знаю, что моими необдуманнми и незрѣлыми сочиненіями напесъ я огорченіе многимъ“, причисленіе себя къ людямъ, „которые изъ грязи пробрались въ люди“ и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ помпезное устройство величайшаго шума вокругъ своего имени, возвѣщеніе *urbi et orbi*, что авторъ думалъ прежде, что думаетъ теперь, какъ поступалъ прежде, какъ поступаетъ теперь, какъ будетъ поступать впредь, и безпрерывный разговоръ о томъ, что онъ-то не придаетъ никакого значенія себѣ какъ писателю, да вотъ другіе очень его превозносятъ и высоко ставятъ. Предшествовавшее „Перепискѣ“ публичное завѣщаніе при всѣхъ словахъ смиренія и униженія, его переполняющаго, есть въ то же время, несомнѣнно, и выраженіе гордыни безконечной, равной которой никогда ни до того, ни послѣ того въ русской литературѣ не было.

Все это униженіе паче гордости представляет собою, однако, интересъ исключительно психологическій. Предъ нами явленіе весьма сложное, потому что по значительной долѣ высказанной о себѣ правды, многое въ самобичеваніи Гоголя нельзя причислить и къ простому ломанію. Когда Гоголь говорилъ о себѣ „вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго“, то едва ли ему было особенно легко дѣлать такое признаніе, потому что онъ, дѣйствительно, даже съ самыми близкими и преданными людьми сплошь да рядомъ обращался поистинѣ отвратительно и своекорыстно и отлично понималъ, что всѣ къ этой его черствости и эгоистической жестокости относились съ большимъ осужденіемъ. Когда онъ, причислялъ себя къ людямъ, которые „изъ грязи пробрались въ люди“, бичевалъ свое „мелочное самолюбіе“ и свою „спесивость“ то, опять-таки, ему совсѣмъ не легко было въ этомъ признаваться, потому что онъ, дѣйствительно, былъ и очень мелочень въ своемъ самолюбіи и очень спесивъ и зналъ, что то и другое отталкиваетъ отъ него людей. Такимъ образомъ, извѣстная доля самобичеванія „Переписки“ была, несомнѣнно, нравственнымъ подвигомъ, потому что унижало его непомѣрную гордыню и потому, очевидно, вырвалось въ минуту искренняго порыва и желанія освободиться отъ печальныхъ сторонъ своего характера. Скажемъ, кстати, что и великая гордыня Гоголя нѣсколько тяжелѣе у насъ наказывается, чѣмъ она того заслуживаетъ. Почему бы, собственно, Гоголю и не было быть преисполнену сознанія своего значенія, когда друзья и недруги не иначе къ нему относились какъ къ гению? Почему мы не вмѣняемъ въ вину Пушкину его сознанія, что онъ „памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“? Почему никто не возмущается молодымъ Лермонтовымъ, когда въ ту пору, когда его не баловало еще общественное признаніе, онъ, тѣмъ не менѣе говорилъ о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой
Еще невѣдомый избранникъ.

Но, какъ бы то ни было, загадочная смѣсь искренняго и напускнаго смиренія въ „Перепискѣ“, повторяемъ, имѣетъ интересъ чисто психологическій и общественно-политическихъ выводовъ изъ этого никакихъ не сдѣлаешь.

Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, насколько былъ искрененъ Гоголь въ своемъ общественномъ смиреніи, въ отказѣ отъ разрушительнаго смысла своихъ художественныхъ произведеній, въ томъ, что онъ благоговѣйно преклонялся предъ всею совокупностью дореформеннаго государственнаго быта. Объ этомъ ходили очень опредѣленные толки въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и о нихъ, не придавая

имъ, однако, реальнаго значенія, говоритъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ.

Послѣдовательное чтеніе писемъ, изданныхъ г. Шенрокомъ въ хронологическомъ порядкѣ, должно разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Можно разно относиться къ обскурантски-реакціонному направленію книги Гоголя. Но если частная переписка его, начиная съ самаго отъѣзда за границу въ 1836 г., въ теченіе десяти лѣтъ вся проникнута однимъ и тѣмъ же пророчески-мистическимъ тономъ, высказываетъ одни и тѣ же взгляды на вопросы государственности, съ однимъ и тѣмъ же осужденіемъ относится ко всему оппозиціонному, то какъ бы все это ни характеризовать, нельзя же усомниться въ искренности писавшаго, нельзя же допустить, что, просто дѣлясь съ пріятелями своимъ настроеніемъ, онъ могъ при этомъ имѣть какія-то заднія цѣли. Если для многихъ частей книги реальная переписка Гоголя была не больше какъ первымъ очеркомъ темъ, въ печати получившихъ гораздо болѣе широкое развитіе, то какъ разъ значительная часть того, что особенно возмутило современниковъ, взята почти цѣликомъ изъ написанныхъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ дѣйствительныхъ писемъ Гоголя. Ограничимся для иллюстраціи тѣмъ, что можетъ быть анализировано съ извѣстною долею непринужденности. Едва ли не къ числу характернѣйшихъ статей „Переписки“ принадлежатъ полторы странички, озаглавленныя „Карамзинъ“. Здѣсь ни много, ни мало доказывается, что Карамзинъ „первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ наполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно“. Оно, пожалуй, вполнѣ можно согласиться съ Гоголевскимъ утвержденіемъ. Писательское „желаніе занявшее всю душу“, въ той или другой формѣ, дѣйствительно, такъ или иначе выразится и дойдетъ до читателя, особенно русскаго, столь искусившагося въ чтеніи между строкъ и символическомъ пониманіи печатныхъ словъ. Но, очевидно, Гоголь не то хотѣлъ сказать, когда онъ утверждалъ, что „никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ (!) своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право“. Хотя Карамзинскою „смѣлостью“, выразившеюся въ томъ, что своею запискою о „Древней и Новой Россіи“ онъ пошелъ на борьбу съ либеральными вѣяніями александровской эпохи, во времена Гоголя въ полной мѣрѣ обладалъ даже Булгаринъ, но все-таки Гоголь полагалъ, что „смѣлость“ Карамзина „даетъ урокъ нашему брату, писателю. Какъ смѣшны

послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды“. Въ такихъ случаяхъ всегда виноватъ самъ писатель. „Самъ же высказался такъ нелѣпо и грубо“, самъ же „выкажетъ неряшество растрепанной души своей“, а потомъ чудакомъ „негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовью, съ какою не выслушивается ни въ какой странѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовью можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды“.

Весьма краснорѣчивымъ комментариемъ къ тому, какъ легко въ то время осуществлялось желаніе „возвѣщать свою правду“, явилось то, что три статьи, назначенныя для „Переписки“, совсѣмъ не были пропущены цензурою, а большинство появившихся подверглось серьезнѣйшимъ урѣзкамъ. Вопросы государственной жизни были въ то время чѣмъ-то вродѣ „табу“ австралийцевъ, до котораго вообще нельзя было касаться, не только порицая, но даже анализируя ихъ съ извѣстнаго рода самостоятельностью. Поэтому-то и звучали такую дикою ироніею слова Гоголя, что „чудная Россія“ эпохи вычеркиванія изъ поваренныхъ книгъ рецептовъ ставить пироги на „вольный духъ“, отъ всякаго съ „любовью“ все выслушаетъ. И, однако, искренность увѣреній Гоголя не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію, потому что весь этотъ дифирамбъ цѣликомъ взятъ изъ частнаго письма и при томъ очень небольшого, слѣдовательно, не изъ тѣхъ, которыя Гоголь долго обдумывалъ и переправлялъ, какъ бы готовя ихъ для появленія къ печати. Гоголь просто отвѣчалъ закадычному пріятелю Языкову на присылку книги Погодина о Карамзинѣ и по этому поводу, вполнѣ мимоходомъ, предался своимъ удивительнымъ размышленіямъ.

Ограничимся, для удобства, этимъ характеристическимъ образчикомъ полной искренности реакціонныхъ тенденцій „Переписки“, прибавимъ еще только, что, собственно говоря, всякія чисто-фактическія доказательства искренности „Переписки“ совсѣмъ и не нужны даже. Будучи, во всякомъ случаѣ, произведеніемъ въ высшей степени яркимъ, являясь, во всякомъ случаѣ, выраженіемъ долготѣныхъ думъ и размышленій, „Переписка“ уже въ силу одного этого не можетъ быть неискренней. Можно быть неискреннимъ въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ, въ одной какой-нибудь статьѣ, но нельзя быть неискреннимъ въ цѣломъ стройномъ міросозерцаніи, нельзя 6—10 лѣтъ

упорно и мучительно носиться съ извѣстными мыслями, имѣя при этомъ въ виду какія-то заднія цѣли. Это психологическій nonsens. Да, наконецъ, писательская „искренность“ есть понятіе совсѣмъ особенное. Она, по преимуществу, состоитъ въ глубокомъ интересѣ къ предмету, въ томъ, что писателю страстно, неудержимо хочется вращаться въ опредѣленной умственной сферѣ. „Переписка“ была выраженіемъ настроенія, назрѣвавшего съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Гоголь въ 1836 году уѣхалъ за границу. Вначалѣ просто преисполненный сознанія своей „львиной силы“, онъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ развертывался передъ нимъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“, укрѣплялся въ этомъ сознаніи, пока, наконецъ, при его глубокой религіозности, оно не приняло форму вполне реальнаго убѣжденія въ своемъ избранничествѣ. Въ письмѣ къ другу дѣтства А. С. Данилевскому, Гоголь, давая ему рядъ совѣтовъ и наставленій, такъ-таки прямо и заявляетъ ему: „О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“ (II, 111). Въ томъ же письмѣ Гоголь, буквально какъ библейскій пророкъ, восклицаетъ: „Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и *горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова*“ (II, 110).

Можно какъ угодно отнести къ этимъ и однороднымъ заявленіямъ, которыя разбросаны во множествѣ въ письмахъ Гоголя, особенно въ письмахъ къ сестрамъ. Можно въ этомъ видѣть, какъ Бѣлинскій, проявленіе mania religiosa, можно отнести къ этому, какъ къ маніи величія и т. д. Но въ одномъ только никто не станетъ сомнѣваться,—что подобныя заявленія вытекаютъ изъ настроенія необыкновенно цѣльнаго и проникающаго всего человѣка.

Изъ этого-то глубоко-искренняго пророческаго настроенія Гоголя, изъ его проникновеннаго убѣжденія, что онъ призванъ наставлять, поучать, указать истинный путь жизни личной и общественной, и вытекла „Переписка“, въ которой граждански-поучительный характеръ писательской дѣятельности Гоголя достигъ своего апогея. Это была *первая русская книга, которая такъ или иначе затрогивала основные вопросы русскаго общественнаго быта*, которая, хотя и въ глубоко-реакціонной формѣ, касалась самыхъ жгучихъ сторонъ русской гражданственности и тѣмъ самымъ заставляла общественную мысль работать въ извѣстномъ направленіи, подвергать анализу явленія, мимо которыхъ она до того проходила, просто не замѣчая ихъ. Въ каждомъ литературномъ произведеніи, съ общественной точки зрѣнія, гораздо важнѣе самаго содержанія его способность затрогивать въ душѣ читателя извѣстныя струны, потому что основа всякаго прогресса есть, прежде всего, движеніе, и страшенъ для обще-

ственности только застой. Стоитъ ближе присмотрѣться къ самымъ реакціоннымъ мѣстамъ „Переписки“, чтобы убѣдиться, какъ пламенно они стремятся внести гражданскія стремленія въ самыя обыденныя, повседневныя отношенія. Возьмемъ даже пресловутую статью „Русскій помѣщикъ“, съ ея апофеозомъ крѣпостного права, съ ея прямымъ возведеніемъ закрѣпощенія мужика въ какой-то перлъ созданія. Бѣлинскому, которому при чтеніи только-что тогда появившагося „Антонна Горемыки“ казалось, что это не Антона, а его самого „отодрали на барской конюшнѣ“, конечно, кровь бросилась въ голову, когда онъ прочелъ гоголевское наставленіе пріятелю собрать своихъ крѣпостныхъ, объяснить имъ, что они, „родясь подъ властію, должны покориться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“, а главное—*„показать это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они все это видѣли до единого“*. По поводу этой кощунственной профанаціи Евангелія, Бѣлинскій, конечно, только и могъ сказать Гоголю, что въ моментъ преподаванія своихъ совѣтовъ онъ былъ „преисполненъ не истины Христовой, а дьяволова ученія“. Но когда Бѣлинскій тутъ же утверждаетъ, что Гоголь „во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, то онъ былъ не правъ. Нѣтъ, Гоголь, совершенно забывъ историческое происхожденіе русскаго крѣпостного права, создалъ дикую утопію помѣщицкой власти, въ силу которой помѣщикъ всего менѣе пріобрѣтатель. По теоріи „Переписки“, помѣщикъ—человѣкъ, отъ Бога поставленный затѣмъ, чтобы блюсти душу своихъ крѣпостныхъ. „Скажи мужикамъ,—наставляетъ Гоголь пріятеля,—что заставляешь ихъ трудиться и работать *вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи, и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ“*. Сообразно съ этимъ, Гоголь вмѣняетъ въ обязанность помѣщику обширнѣйшую программу непрерывнаго и детальнѣйшаго общенія съ крестьянами, о которой въ обычной помѣщицкой жизни того времени никогда и помина не было, конечно. Тотъ владѣлецъ 800 душъ, къ которому обращены совѣты и увѣщеванія Гоголя, долженъ непрерывно проповѣдывать своимъ „подданнымъ“ и для этого долженъ знать повадку и жизнь каждаго изъ своихъ мужиковъ въ отдѣльности. Когда мужикъ будетъ „уличенъ въ воровствѣ, лжности или пьянствѣ“, помѣщикъ долженъ „ставить его

передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ“, долженъ показать, что онъ „грѣшитъ противъ Бога“, а не противъ помѣщика, и долженъ предпринять цѣлый циклъ весьма сложныхъ увѣщаній и укоровъ. Недостаточно упрекать одного только провинившагося: „Призови и бабу его, его семью, собери сосѣдей, попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божиимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакой и губить ни про-что свою душу, докажи имъ, что они дадутъ за то всё отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться“. Но не только съ „лѣнтяями“ и пьяницами долженъ возиться гоголевскій помѣщикъ. „А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ, и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ“. Въ чисто-хозяйственныхъ дѣлахъ „соприкосновеніе помѣщика съ крестьяниномъ“ должно быть самое тѣсное, и помѣщикъ долженъ быть „самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ“, долженъ „въ комнатахъ не засиживаться“, долженъ почаще самъ принимать дѣятельное участіе въ крестьянскихъ работахъ съ топоромъ или косою въ рукѣ. Усердно долженъ помѣщикъ заботиться о просвѣщеніи народа и его религіозности. Правда, „учить мужика грамотѣ зачѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе чело-вѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ“. „У мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ“. Къ тому же „деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки“. Но, „если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и при томъ вовсе не зачѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но зачѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку, — тогда другое дѣло. *Воспитай его какъ сына* и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу“. Въ религіозномъ воспитаніи крестьянъ гоголевскій помѣщикъ, который вообще является истиннымъ чудомъ природы, соединяя въ себѣ рѣшительно всѣ способности и достоинства, играетъ то же первенствующую роль, а духовенство тутъ сбоку-припеку. Обыкновенно священники поучаютъ свою паству, хотя бы въ составъ этой паствы входили и такіе помѣщики, какъ гоголевскій владѣлецъ 800 душъ. Въ „Перепиискѣ“ наоборотъ: „*Будь ему (священнику) наставникомъ*“, самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ Гоголь своему

помѣщику-энциклопедисту, „ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника“. Совершенно забывъ, что у священника могутъ быть и свои собственные интересы и желаніе проводить время въ собственной семьѣ, Гоголь дѣлаетъ изъ него настоящаго и безсмѣннаго помѣщичьяго адъютанта, который отъ того, что помѣщичья власть есть учрежденіе, назначенное отнюдь не для извлеченія выгоды, а для спасенія крестьянскихъ душъ, долженъ всецѣло отдать себя въ распоряженіе помѣщика. „Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги. *А самое главное,—бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника; чтобы онъ видѣлъ самолично всюду всю продѣлку твою съ мужиками. Къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобой объ руку*“. Даже проповѣдывать долженъ священникъ именно то, что укажетъ помѣщикъ. Хотя священникъ кончилъ семинарію и, надо полагать, могъ бы, на примѣръ, и самъ справиться со Златоустомъ, но направляющая рука помѣщика и тутъ должна имѣть главное значеніе. „Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ *твоимъ* священникомъ и при томъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста (краткія и сильныя), а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти мѣста пусть онъ скажетъ народу“. Такимъ образомъ, въ общемъ, священникъ—простая ширма, и дѣло религіознаго наставленія народа всецѣло сосредоточено въ рукахъ помѣщика. За то же и хвала ему воздается за всю совокупность его разносторонней дѣятельности, которая, по глубокому убѣжденію Гоголя, не можетъ не увѣнчаться блистательнѣйшимъ успѣхомъ, ибо „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро“. „Не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослуживъ ты такую службу въ званіи помѣщика, какой не сослужить иной великочинный человекъ. Что ни говори, но поставитъ 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно примѣрною жизнію—это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая“.

Можно разнo отнести къ Гоголевской утопiи—со смѣхомъ, съ негодованіемъ, съ недоумѣніемъ. Но забудемте самое содержаніе ея, возьмемте только *схему* отношеній, которыя она устанавливаетъ. Мы должны будемъ согласиться, что тутъ во всякомъ случаѣ не пріобрѣтательство, а попытка внести нравственное содержаніе и серьезныя обязанности въ такую сферу, гдѣ люди того круга, среди котораго вращался Гоголь, ничего кромѣ самыхъ грубыхъ практическихъ цѣлей не преслѣдовали. Чисто-экономическія отношенія превращены въ

стройное явленіе гражданской жизни, и всякій на какомъ-то общественномъ посту. Гоголевскому помѣщику, или, вѣрнѣе, настоящему отцу, духовнику и наставнику 800 душъ, никто не откажетъ въ званіи истинно-общественнаго дѣятеля, если онъ послушается Гоголя и свое сладкое житье промѣняетъ на то томительно-скучное существованіе, которое ему навязываетъ „Переписка“.

Гоголевское теократизированіе крѣпостного права могло бы, конечно, еще быть отвратительнымъ лицемѣріемъ какого-нибудь Гудушки Головлева, который въ моментъ, когда въ обществѣ пошли вѣянія, способныя подкопать зданіе помѣщичьяго благополучія, старается напаялить благообразную личину на безобразное явленіе. Но въ этомъ отношеніи реакціонеръ и крѣпостникъ Гоголь имѣетъ за собою нѣчто такое, чего не имѣло за собою большинство тѣхъ, которые такъ на него обрушились. Гоголь былъ идеально безкорыстенъ и нравственно свободенъ, создавая свои крѣпостническіе идеалы. Съ переѣзда въ Петербургъ, т. е. съ первыхъ моментовъ своего сознательнаго существованія, Гоголь не пользовался ни единою крѣпостною копейкою, ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ, которые, увь, обезпечивали благополучное существованіе и автора „Записокъ Охотника“, и автора „Антоня Горемыки“ и, за исключеніемъ самого Бѣлинскаго, почти всѣхъ его друзей и единомышленниковъ. И вотъ почему вся слащавая маниловщина статьи „Русскій помѣщикъ“, вся эта идиллія, въ существѣ гораздо болѣе смѣхотворная, чѣмъ возмутительная, должна быть признана ошибкою ума, но никакъ не сердца. Во всемъ этомъ эпизодѣ только ярко сказалась способность Гоголя къ всякому явленію подходить съ гражданской стороны, вносить весьма своеобразно-выразившіяся, но все-таки, несомнѣнно, общественныя стремленія въ самые затхлые уголки жизни.

Ту же общественность Гоголь хочетъ внести и во все остальные сферы русской жизни, которая подвергаетъ анализу въ своей книгѣ. Что можетъ быть зауряднѣе положенія губернаторши? Однако же въ длинной статьѣ, составившейся изъ реального письма къ его ближайшей пріятельницѣ — знаменитой калужской губернаторшѣ А. О. Смирновой, Гоголь дѣлаетъ этотъ „постъ“ настоящимъ общественнымъ служеніемъ. Гоголевская губернаторша „должна всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть на дѣятельность общественную“, должна гнать роскошь, должна „глядѣть на весь городъ, какъ лекаръ глядитъ на лазаретъ“, и лечитъ общественныя язвы своимъ добрымъ вліяніемъ на дамъ, въ стремленіи которыхъ къ роскоши Гоголь на протяженіи всей своей книги видитъ главный источникъ злоупотребленій чиновниковъ и судей. Забудемъ опять маниловскую патоку, на которой заварена вся эта умилительная программа

преобразования общественнаго строя путемъ добрыхъ начальниковъ, и мы снова получаемъ тотъ же принципъ широкаго приобщенія всякаго человѣка къ гражданской работѣ.

Еще менѣе, повидимому, имѣеть что-либо родственнаго съ общественною дѣятельностью представленіе о богатой, знатной красавицѣ. А между тѣмъ, присмотримся къ душевному портрету такой красавицы, нарисованному въ статьѣ „Женщина въ свѣтѣ“. Біографія Гоголя выяснила, что хотя статья и имѣеть подзаглавіе „Письмо къ ...вой“, но на самомъ дѣлѣ такого реальнаго письма Гоголь никому не писалъ и въ своей статьѣ онъ, какъ и въ „Русскомъ помѣщикѣ“, только воспользовался эпистолярной формой, чтобы начертить свой идеаль женщины.

Какое же употребленіе дѣлаетъ мнимая *...ва* изъ своей молодости и красоты? Она скорбитъ о томъ, что „не можетъ быть кому-нибудь полезной“, что „никакого вліянія на общество имѣть не можетъ“. Но Гоголь съ нею спорить, онъ указываетъ ей, что разъ „самимъ Богомъ водворено“ ей „въ душу стремленіе или жажда добра“, разъ „кто заключилъ въ душѣ своей такое *небесное безпокойство о людяхъ*“, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди“. „Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть“, умоляетъ Гоголь свою красавицу; ей непременно удастся „обратить на путь нынѣшній свѣтъ“: отказъ „ни у кого не посмѣеть пошевелиться на губахъ, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ“. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими совѣтами и указаніями Гоголя—по обыкновенію, они слащаво-приторны. Но сцѣнимте самое главное въ каждомъ нравственномъ совѣтѣ—направленіе, которое онъ даетъ мысли. Пусть намъ укажутъ хотя бы одного изъ современныхъ „Перепискѣ“ самыхъ передовыхъ писателей, у котораго зародился бы такой свѣтлый образъ, какъ образъ гоголевской красавицы съ душой, объятай, по удивительному выраженію Гоголя, достойному стать крылатымъ словомъ, „*небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ*“. И этотъ образъ создался у Гоголя не мимолетно: онъ вышелъ изъ очень глубокихъ тайниковъ его творческой души, потому что отлился у него тоже и въ художественной формѣ во 2-й части „Мертвыхъ душъ“ въ лицѣ Улиньки, которая вся была переполнена такимъ же „небеснымъ безпокойствомъ“, не выносила ни малѣйшей несправедливости. Улинька еше мало оцѣнена нашей критикой, но она, несомнѣнно, является первымъ художественнымъ воплощеніемъ новой русской женщины,

съ ея общественными стремленіями и негодованіемъ на неправду; она—старшая сестра Тургеневской Елены.

Къ числу самыхъ яркихъ въ общественно-политическомъ отношеніи статей „Переписки“ принадлежитъ частью дѣйствительная переписка, частью только изложеніе бесѣдъ съ очень интимнымъ другомъ Гоголя—графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, тѣмъ самымъ, въ домѣ котораго онъ впоследствии умеръ. Къ Толстому адресованы всѣ статьи, гдѣ говорится о церкви, о духовенствѣ, о томъ, какъ надо „любить Россію“ и служить ей. Это та часть книги, которая пользуется особенно установившейся репутаціею. Но немало будетъ удивленъ современный читатель, если, захотѣвъ познакомиться поближе съ почти никѣмъ теперь не читаемой „Перепиской“, заглянетъ и въ тѣ страницы, гдѣ, повидимому, сосредоточенъ весь гоголевскій „клерикализмъ“ и „аскетизмъ“. И окажется тогда, что того, что можно назвать „клерикализмомъ“ въ прямомъ смыслѣ, т. е. предоставленія духовенству руководящей роли въ практической жизни, у Гоголя нѣтъ и слѣда. Человѣкъ глубоко-религіозный, безгранично высоко ставящій церковь какъ руководительницу и наставительницу совѣсти, Гоголь, однако, рѣзко отстраняетъ духовенство отъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства въ жизнь. Онъ даже противъ простаго общенія духовенства съ паствою внѣ церкви. „Повѣрьте, что если бы стали духовные встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо“. Весьма кстати вспоминая тутъ о самыхъ яркихъ и настоящихъ представителяхъ клерикализма—католическихъ патерахъ, съ ихъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, Гоголь прибавляетъ: „Духовному предстонтъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ“. Гоголь отмежевываетъ представителямъ церкви совершенно опредѣленную область: „У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь“. Гдѣ же тутъ хотя бы отдаленная тѣнь дѣйствительнаго клерикализма?

Что касается „аскетизма“, т. е. стремленія углубиться только во внутреннее самоусовершенствованіе и бѣжать отъ дѣлъ міра сего, то трудно найти болѣе рѣшительное, болѣе энергическое противодѣйствіе такому убѣганію въ пустыню, чѣмъ то, которое даетъ „Переписка“. Въ статьѣ „Нужно любить Россію“ вопросъ поставленъ въ самой непосредственной формѣ. Здѣсь Гоголь борется съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ желаніемъ Толстого уйти въ монастырь и разсуждаетъ такъ: „Безъ любви къ Богу никому не спастись“, но эту любовь надо имѣть въ себѣ: „Въ монастырь ся не найдется“

тому, кто ею не проникся раньше. Какъ же обрѣсти любовь? „Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собою выйдетъ въ итогъ любовь къ Богу самому. *Идите же въ мѣръ и приобретайте прежде любовь къ братьямъ*“. „Но какъ полюбить братьевъ? Для этого русскому надо возлюбить Россію, въ которой теперь „болѣзни и страданія накопились въ такомъ множествѣ“. Слышится „воплъ всей земли“ противъ „безчестствъ и неправды“ и въ такое время никто не долженъ отстраняться отъ борьбы со зломъ. „Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться, да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней дѣлается“; „это еще не любовь, далеко вамъ до любви“. „Нѣтъ, если вы, дѣйствительно, полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы, дѣйствительно, полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; *не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и празднои жизни*“.

Предложить это бывшему губернатору, чѣмъ Толстой былъ и въ дѣйствительности и въ качествѣ чего фигурируетъ передъ читателями въ „Перепискѣ“, было, конечно, очень наивно. Но думается, что отъ чести признать свое тѣсное душевное родство съ этою наивностью не откажется ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ „Переписки“. Изъ этой „наивности“ родилось все, что намъ свято въ русскомъ народолюбіи, изъ нея вышло „кающееся дворянство“, вышли всѣ тѣ дорогія намъ позднѣйшія теченія, которыя тоже предпочли „бездѣйственной и празднои жизни“ „крупицу дѣятельности“, хотя бы и на „послѣднемъ мѣстѣ“ общественной лѣстницы. Въ поразительно-сильной формулѣ Гоголя могла сказаться только мысль, глубоко-захваченная скорбью о родинѣ, вся изнывшая отъ сознанія ранъ, ее развѣдающихъ, страстнаго желанія залечить ихъ.

Тотъ же страстный призывъ работать на пользу общую составляетъ главное содержаніе другого адресованнаго Толстому письма: „Нужно проѣздить по Россіи“. Тутъ опять энергическая борьба съ настроеніемъ, изъ жажды подвига рвущимся въ монастырь, и опять „аскетическая“ книга Гоголя властно говоритъ кандидату въ монахи: „*Монастырь нашъ — Россія!* Облеките же себя умественно рясою чер-

неца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней“.

Если Гоголь отъ людей всякаго званія и положенія требуетъ дѣятельной и самоотверженной работы на пользу общую, то какъ онъ смотритъ на собственную задачу свою, въ чемъ полагаетъ сущность и значеніе писательскаго призванія?

Ярко сказалась истинно-гражданская окраска всего духовнаго существа Гоголя и въ его взглядахъ на задачи литературы вообще и поэзіи въ частности. Для него писатель, какъ для самаго завятаго „разрушителя эстетики“ 60-хъ гг., только и цѣненъ съ точки зрѣнія той „пользы“, которую онъ приноситъ: „Я—писатель, а долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу: строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“.

Благоговѣйный ученикъ и безграничный почитатель Пушкина, Гоголь, однако, совершенно разошелся съ нимъ въ пониманіи задачъ художественной дѣятельности. Не согласенъ онъ съ нимъ ни въ томъ, что художники рождены для звуковъ сладкихъ и молитвъ, ни въ томъ, что не ихъ дѣло „корысть“ и „битвы“. Какъ мы уже знаемъ, Гоголь обязательно требуетъ „пользы“, т. е. „корысти“ по терминологіи Пушкина. А что касается „житейскаго волненія“ и „битвъ“, т. е. отзывчивости на нужды времени и участія въ борьбѣ съ несовершенствами жизни, то всего этого Гоголь требуетъ не только отъ писателя, назначеніе котораго ставилъ такъ необыкновенно высоко,—онъ вмѣняетъ рѣшительно всякому человѣку борьбу со зломъ. „Вспомни“, говоритъ онъ даже человѣку, занимающему „незамѣтную должность“ и имѣющему весьма скромную сферу дѣйствія: „призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій—*на битву мы сюда призваны*; какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва“.

Звуки же сладкіе Гоголь отвергаетъ съ энергіею библейскаго пророка:

„Страхни сонъ съ очей своихъ“, говоритъ онъ лучшему другу своему поэту Языкову, „и поразитъ сонъ другихъ“. И велѣдъ за этимъ Гоголь даетъ удивительнѣйшую по силѣ и яркости литературную формулу:

„На колѣна передъ Богомъ и *проси у него гнѣва и любви*“.

„Гнѣва и любви“!

Это сказано за нѣсколько лѣтъ до дорогой намъ формулы: „муза мести и печали“.

И если этой музѣ мы присвоили названіе „гражданской“ по преимуществу, то будемте послѣдовательны и по отношенію къ Гоголю.

Неужели не „писатель-гражданинъ“ тотъ, кто своими художественными произведеніями подкопалъ все зданіе общественной скверны, а въ произведеніяхъ теоретическихъ *всякаго* *человѣка* дѣлаетъ ратоборцемъ за правду и общее благо, хотя и очень своеобразно понятое?

1902.